

• КОРОЛЕВА ПРЕСТУПНЫХ СТРАСТЕЙ •

МАРИНА КРАМЕР

Соблазны Снежной королевы

По прозвищу «Щука»

Марина Крамер

Соблазны Снежной королевы

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Соблазны Снежной королевы / М. Крамер — «Эксмо»,
2015 — (По прозвищу «Щука»)

ISBN 978-5-699-85207-9

Адвокат Варвара Жигульская давно перестала верить людям, а особенно – мужчинам. За ледяным спокойствием и прозвищем «Снежная королева» в груди Жигульской бушевали огненные страсти. Но измена бывшего мужа композитора Святослава Лемешинского и предательство недавнего любовника Кирилла Мельникова, который обманывал ее за спиной, пошатнули веру Варвары во весь мужской пол. В глубине души она все же надеялась на счастье – любить и быть любимой, – но у судьбы ужасное чувство юмора. Выйдя замуж за нового любимого мужчину Руслана Алиева, Варвара уже через пару часов после загса стала вдовой. Любимого сбила машина, и теперь жизнь Снежной королевы снова трещит по швам...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85207-9

© Крамер М., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	29
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марина Крамер

Соблазны Снежной королевы

© Крамер М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Мир очень жесток. Он требует от женщины, чтобы она была сильной. Но разве может сильная женщина быть Женщиной?!
Анхель де Куатье «В поисках скрижалей»*

Глава 1

Призраки прошлого

Нельзя, чтобы воспоминания поглощали тебя целиком.

Нельзя, чтобы прошлое хватало тебя за руку.

Ясунари Кавабата

– Ну, что ты там себе думаешь? Посмотри, какая погода за окном – так и будешь в квартире торчать?

О господи! Зачем я взяла трубку? Зачем я вообще не отключила телефон вчера вечером? Ну, воскресенье ведь, могла бы отоспаться... Но этот настойчивый голос в трубке...

– Анька, будь ты неладна! Это у тебя отпуск, а у меня – воскресенье, единственный выходной на неделе! – простонала я, пристраивая трубку к уху так, чтобы не держать ее рукой, а еще хоть немного не менять положения тела.

– Так, Жигульская, если не я, то никто тебя не поднимет, так и будешь киснуть в своих хоромах, – решительно заявила подруга, – или... Слу-у-шай, а ты, может, не одна там? Прости, я не подумала...

– Расслабься, все нормально, я одна.

Все нормально, подружка, никого ты не потревожила, можешь расслабиться. Одна я с тех самых пор, как осудили на девять лет моего любовника Кирилла Мельникова, а мой дорогой супруг Святослав собрал свои нотные сборники и ушел к сыну, оставив мне эту огромную квартиру на Большой Татарской, маленький «Смарт» и то, что никогда меня не предаст. Мою работу. Мою адвокатскую фирму с офисом в пяти минутах от Кремля, кучу престижных клиентов и нескольких осаждающих меня периодически ухажеров. Ну, к этому всему, слава богу, Светик никогда не имел никакого отношения. Я сдержала данное себе слово и отстроила ему театр – прекрасное помещение в старинном особняке, отремонтированное за мои деньги и при помощи моего же клиента. В моменте подписания документов на право собственности меня покорило только одно – Светик принял этот подарок, не дрогнув ни единым мускулом, не задав ни одного вопроса. Просто подписал бумаги, сухо кивнул – и вышел. Никогда прежде мне не хотелось разрыдаться прямо на людях, как в этот самый момент... Сопровождавший меня на подписание документов Митрохин, тот самый клиент, чья фирма отреставрировала особняк, осторожно коснулся моей руки, давая понять, что он рядом, но это было лишнее. Я отлично умела брать себя в руки, что и продемонстрировала:

– Эдуард Михайлович, а поедете в ресторан? Я вас приглашаю. – И с удовольствием отметила, как изменился в лице Митрохин, ожидавший, очевидно, истерики, а не вот этого спокойного приглашения вместе отобедать.

– Разумеется, поедем, Варвара Валерьевна, но с условием – плачу я.

Я улыбнулась, попрощалась с нотариусом и, взяв Эдуарда Михайловича под руку, вернула его в сторону двери:

– Не могу вам отказать.

Мы поехали в «Мясной клуб», и я весь обед старалась делать вид, что мне очень весело, что я заинтересованно слушаю собеседника и смеюсь над его шутками. На самом же деле единственное, чего я хотела по-настоящему, это вычеркнуть из памяти этот день. И – заодно уж – те годы, что провела рядом со Светиком. Как можно столько лет ошибаться в человеке? Нет, я не ждала от него слов благодарности – но и того, что он воспримет пакет документов, подтверждающих его право собственности на здание театра, как должное, тоже не ожидала. Это убедило меня в том, что наш предстоящий развод – совершенно правильный шаг. Я не умею

разбираться в людях... Вот и Светик, казавшийся таким надежным и бескорыстным, на деле оказался вовсе не так уж прост. Совсем как Кирилл...

Воспоминания о муже и – особенно – о любовнике вызвали неприятное ощущение в области сердца, я часто задыхалась и пробормотала в трубку:

– Ань, я перезвоню тебе через час, ладно? Только проснулась, соображаю плохо.

Вяземская, разумеется, обиделась:

– Так и скажи, что не одна, и нечего выдумывать! – И не успела я начать оправдываться, как она уже бросила трубку.

Ну и черт с ней, с Аннушкой, будет знать, как звонить мне с утра в выходной.

Потянувшись, я села на постели и отбросила покрывало, под которым спала из-за нестерпимой жары. Кондиционер всегда вызывал у меня насморк, а нет ничего хуже, чем адвокат, шмыгающий носом на процессе, потому этот агрегат висел над окном в спальне совершенно безо всякой пользы.

Раздвинув шторы, я впустила в комнату яркое июньское солнце, встала босыми ногами в самый центр теплого пятна на полу и начала зарядку. Это последнее вошло в мою жизнь как-то совершенно случайно и закрепилось – теперь каждое утро я начинала с небольшого комплекса упражнений и чувствовала себя намного бодрее. Кроме того, зарядка помогала сконцентрироваться и настроиться на нужный лад, а иногда перед процессом это было очень даже кстати. Я ушла с головой в работу, чтобы как можно меньше думать о неудавшейся личной жизни. Подав наконец документы на развод со Светиком, я вдруг почувствовала себя абсолютно несчастной. Муж был частью моей жизни, признаком стабильности, он давал мне уверенность – и вот его нет рядом уже год. Остались только мелкие формальности – официальный развод. Нет, у Светика не было ко мне претензий, как и у меня к нему, но сама процедура... Не знаю, откуда во мне взялся этот страх. Как будто после всего окружающим станет заметна моя неполноценность. Наверное, бабушка в детстве заложила в меня такие ценности, которые сейчас не в чести. Хотя – о чем это я? Мы не так уж хорошо жили со Светиком, часто не понимали друг друга, более того – я позволяла себе романы на стороне, не находя удовлетворения в супружеской постели. Как выяснилось, не только я... Светик ухитрился обманывать меня долгих восемь лет, тайком навещая сына, рожденного ему концертным директором Ириной. Самое омерзительное заключалось в том, что моя родная бабушка, воспитавшая меня и вложившая в голову все эти моральные основы, знала обо всем этом и покрывала Светика. Мне стоило огромных трудов и сил – нет, не простить, а пока просто попытаться понять ее мотивы. Я никак не могла объяснить себе, почему бабушка так обошлась со мной. Она привела аргументы, не казавшиеся мне достаточными. В том, что я выросла холодной эгоисткой, заиклившей только на карьере, вероятнее всего, была и ее вина. Стремясь заменить мне вечно отсутствующую мать, она упустила нечто важное. Или просто дед был для нее на первом месте... Наверное, это правильно – дети и внуки, вырастая, уходят, а человек, с которым ты прожила всю жизнь, остается до конца. Во всяком случае, у моих деда и бабушки именно так и сложилось, чего нельзя сказать об их дочери и внучке. Видимо, со временем в механизме под названием «семья» истерся какой-то винтик и все перестало работать так, как должно. Или просто время, в которое выпало жить нам, сделало наше поколение более расчетливым, жестким и заиклившимся на других, новых, не всегда понятных старшему поколению ценностях.

Чтобы не углубляться в дальнейшие воспоминания и не причинять себе опять по-прежнему невыносимых страданий, я пошла в душ, а потом сварила себе овсянку. Опуская в соковыжималку кусочки нарезанной моркови и яблока, я временами бросала взгляд на подоконник, где лежал почтовый конверт. Эти письма, исправно приходившие раз в месяц, выматывали мне душу похуже воспоминаний о разводе и о прочих неприятностях. Я никогда не вскрывала конвертов и не читала их – ни разу за весь этот год, мне даже прикасаться к ним было страшно и противно. Эти письма были напоминанием о кошмаре, больше того – о моем

позоре, недалёковидности, глупости и слабости. Как могла я, такая скрупулезная и въедливая в делах, так глупо попасться в умело расставленную ловушку? Как могла я не понять, кто рядом со мной? Как могла я полюбить человека, которого совершенно не знала? Вернее – как могла я не узнать человека, которого любила? За столько лет не прочувствовать и не узнать?

При воспоминании о Кирилле Мельникове у меня до сих пор тряслись руки, а на глаза наворачивались слезы. Я действительно любила его и не замечала очевидного – он использовал меня, чтобы добраться до моей клиентки. Он – и мой дядя, оказавшийся к тому же на самом деле не дядей, а отцом, как в индийском фильме, которые в Болливуде снимают сотнями в год. Интересно, если попробовать продать им сценарий, то получу ли я за это хотя бы сто рупий?..

Овсянка остыла, и даже насыпанная сверху малина не сделала ее вкусной – или это просто настроение мое так испортилось? Воскресенье явно не задалось, и нужно было спасти хотя бы остаток дня, иначе вся неделя пойдет прахом, а у меня сложный и важный процесс. Выход был...

Спустив овсянку в унитаз, я взяла мобильный и позвонила – нет, не Аннушке. Звонок мой был адресован тому, чей номер значился у меня в книжке как «Анатолий-театрал», а проще – Анатолию Ивановичу Веревкину, более известному под кличкой Туз. Мы с ним много лет приятельствовали, часто ходили вместе в театр, но никаких попыток перевести совместное времяпрепровождение в любовный роман Туз не предпринимал. Бывают такие отношения, которые просто нельзя портить такой банальностью, как постель. Это мне в нем очень импонировало.

– Здравствуй, Варюша! – полился из трубки его чуть хриплый голос. – Что такого вдруг произошло, что ты обременила себя звонком в воскресное утро? Что-то случилось?

– Нет, что вы! – рассмеялась я. – Я не настолько корыстна, как кажусь на первый взгляд. Хотела спросить, нет ли у вас желания провести вместе сегодняшней вечер.

Туз тяжело вздохнул:

– Эх, Варвара-Варвара! Ну что тебе стоило позвонить на полчаса раньше, а? И мне бы не пришлось ехать туда, куда не хочется, а теперь уже обратной дороги нет.

Я расстроилась – очень надеялась на то, что мы сходим на какую-нибудь постановку. Туз страстно любил Чехова, и вечер мог быть вполне приятным и легким. Увы... Точно – сегодня не мой день.

– Ну что ж... – огорченно проговорила я, – в следующий раз буду звонить в шесть утра.

– Ты не расстраивайся, Варенька, – по-отечески увещевал Туз, – давай-ка на недельке во МХАТ прогуляемся, а?

– Не смогу я на недельке, процесс у меня сложный. Хотела расслабиться перед тяжелой неделей, но ничего, придумаю что-нибудь.

– А хочешь – я тебе пропуск закажу, с подружкой сходишь? – предложил он, и в его голосе я услышала искреннее желание помочь мне хоть чем-то.

– Нет, спасибо, Анатолий Иванович, с подружкой я точно не пойду.

Не объяснять же ему, что с моей подружкой в театр ходить – процедура раздражающая. Аннушка могла ляпнуть любую глупость, совершенно не заботясь о том, что ее звонкий голос с утрированно растянутыми гласными разносится весьма далеко. Ладно, с театром сегодня не сложилось...

Попрощавшись с Веревкиным, я закурила и щелкнула кнопкой кофеварки – встать и варить в джезве мне было лень, лучше подожду и попью автомобильного.

Почему в моей жизни все устроено так, что выходные дни непременно приносят только разочарования? Я даже в отпуск не могу съездить – банально не на кого оставить контору. Дима Кукушкин, младший компаньон, совершенно не годится на роль руководителя, и даже наш небольшой штат ему не под силу. Так и везу все сама, все одна... Всегда одна. Наверное, таков мой удел – одиночество.

Тут зазвонил телефон, напомнивший мне, что не настолько уж я одинока, как это рисует мое воображение. Звонил Руслан, и я удивилась – не слышала его голоса около двух месяцев. Руслан Алиев занимал в моей жизни не настолько много места, чтобы я была огорчена его отсутствием, но и не настолько мало, чтобы не придавать значения его звонкам.

– Варенька, привет, моя дорогая. Сто лет тебя не слышал.

– Привет, Руслан.

– Я сразу к делу. Ты вечером свободна? – О боже, умеет же Алиев оказываться в нужное время с нужным предложением в нужном месте...

– В принципе, да. – Ну не признаваться же ему, что я пару минут назад безуспешно пыталась организовать свой вечерний досуг! Нет, пусть думает, что я, так и быть, снизойду до него и отменю какие-то дела.

– Варенька, ты меня спасла! Важная встреча, билеты в Большой на последний спектакль сезона, потом скромный закрытый банкет, мне нужна спутница, которая сумеет поддержать беседу о балете. Надеюсь, не оторвал тебя от чего-то важного?

Нет, я определенно зря сетую на судьбу. Взамен сорвавшегося похода на бог весть какую постановку в не пойми каком месте она предлагает мне поход в Большой театр с самым приятным спутником, какого можно только себе представить. Все, прекращаю жаловаться – нужно бежать в салон.

– Русланчик, ты ведь знаешь, что ради тебя я готова отменить даже заседание в суде, – пропела я и в ответ услышала раскатистый хохот Руслана:

– Варюша, за что я тебя люблю – за умение сказать то, что хочет услышать любой мужчина. Значит, ровно в половине седьмого я заеду за тобой. До встречи.

– Да, до встречи.

Положив трубку, я заметалась по квартире. Свидание, даже деловое, с таким человеком, как Руслан Алиев, требовало изысканности в выборе одежды и умеренности в макияже и причёске. Я не могла вспомнить, видел ли он меня блондинкой, которой я стала чуть больше года назад, – наверное, видел, но все равно не мешает чуть обновить цвет. Так, нужно срочно звонить Рите, моему бессменному мастеру. Маникюр в порядке, как раз вчера после офиса сделала, так что тут можно не беспокоиться. Теперь платье и туфли...

Выход на балкон убедил меня в том, что одежда должна быть по возможности легкой – очень жарко, и к вечеру вряд ли станет лучше. Что мы имеем? Роясь в гардеробной, я обнаружила ни разу не надетый вечерний наряд из легкого шифона персикового цвета – длинную летящую юбку и топ с открытыми плечами. Прекрасно, это то, что нужно. Босоножки из серебряных ремешков, клатч в форме небольшой коробочки, серебряный браслет и серьги. Разложив вещи и украшения по кровати, я еще раз скептически осмотрела получившийся комплект, убедившись, что все идеально. Позвонила Рите и начала собираться в салон, только сейчас вспомнив, что так и не перезвонила Вяземской. Но теперь уже нет смысла – придется объяснять, куда и с кем я иду, а этого как раз и не хотелось. И скорее всего Аннушка уже сама забыла о том, что я должна перезвонить, – подруга обладала феноменальным качеством не заикливаться на мелочах и не принимать близко к сердцу какие-то незначительные обидки. Моя бабушка говорила, что все это позволит Вяземской избежать лишних мимических морщин. Вот и хорошо – пусть останется молодой, а я побегу в салон красоты.

Глава 2

Старые связи и новые лица

Чтобы сделать жизнь счастливой, нужно любить повседневные мелочи.

Рюноскэ Акутагава

Галантный Алиев хорошо знал правила светской игры. Уж если пригласил даму на ужин и в театр, то будь добр – явись с букетом. Когда я нырнула в салон его «БМВ», на заднем сиденье меня ожидал букет белых лилий, источавший горьковатый аромат. Это были мои любимые цветы, но сегодня почему-то букет напомнил мне о Мельникове, который тоже всегда являлся на встречу с лилиями, и настроение мое испортилось. Руслан, севший рядом, мгновенно уловил перемену в моем лице:

– Что-то не так?

Я замотала головой и пробормотала:

– Нет-нет, что ты... Все хорошо. Спасибо за цветы.

– Помнится, ты такие любила, – заметил он.

Еще бы тебе этого не помнить! Наш роман был относительно недолгим, но легким и необременительным, наверное, потому и отношения сохранились очень дружеские и какие-то нежные. Руслан как мужчина был очень внимателен, подмечал каждую мелочь, мгновенно реагировал на смену моего настроения и всегда умел сделать так, чтобы мне было комфортно рядом с ним. Но главное заключалось не в этом. Руслан ничего не требовал взамен. Ему было достаточно того, что я сама хотела и могла ему дать, а при моей холодности этого ему было отпущено, согласитесь, не так уж много. Но Алиеву хватало моего интеллекта, умения правильно подать себя в обществе, поддержать разговор, отвлечь и увлечь собеседника, быть приятной и милой, а если нужно – отстраненной и высокомерной. Я всегда была хорошей актрисой...

Руслан тем временем взял мою руку и поднес к губам:

– Ты какая-то чужая сегодня. Все в порядке?

Я осторожно высвободила пальцы:

– Да, не волнуйся. Я ничего тебе не испорчу.

– Варя! – Руслан укоризненно покачал головой. – Я же не об этом беспокоюсь. Мне хочется, чтобы ты отдыхала и получала удовольствие, а ты уже в машине сидишь с мертвым лицом.

– Какой тебе нужно чтобы я стала? Игривой, веселой, развязной? Заказывай.

Алиев вдруг нахмурился:

– Не разочаровывай меня. Я считаю тебя самой умной женщиной из всех, с кем знаком, а сейчас ты сидишь тут и корчишь из себя законченную пошлую дуру. Я бы еще понял, если бы тебе было лет двадцать и ты старалась подцепить на крючок дядю с большим кошельком – но ведь это не так. И твой банковский счет вряд ли уступает моему.

– Это ты к чему сказал? – совсем разозлилась я.

– Про деньги – к слову пришлось. Я тебя очень прошу, Варя, расслабься. Сегодня никаких подвохов не будет, мне просто захотелось тебя увидеть и провести с тобой время в приятных нам обоим местах. Не мешай мне, хорошо?

Вот тут почему-то мне стало стыдно. Я действительно ждала какого-то подвоха, того, что Руслан попросит меня отвлечь чье-то внимание, вскружить голову его возможному компаньону – да чего угодно, мы не раз с ним подобное проворачивали. А такая простая мысль, что Алиев захотел провести со мной воскресный вечер ради даже не своего, а ради моего удо-

вольствия, мне в голову как-то не пришла. Я дотянулась до его щеки и погладила ее тыльной стороной руки:

– Прости, Руслан... У меня была очень тяжелая неделя, правда... И ты здесь ни при чем. Наоборот – я очень обрадовалась твоему сегодняшнему звонку.

Он перехватил мою руку и прижался к ней лицом:

– Тогда сделай милость – получи удовольствие, хорошо?

– Конечно.

Но я даже себе побоялась признаться в том, что от его прикосновений сегодня меня бросает в дрожь, а все тело становится ватным. Руслан пробудил во мне влечение к себе, которого я давно уже не испытывала. До самого театра он так и не выпустил мою руку из своей, и я сидела как на иголках, не в силах даже пошевелиться.

В холле театра нас уже ждали – импозантный, абсолютно лысый мужчина в смокинге и его спутница – немолодая, но очень красивая женщина в темно-бордовом вечернем платье и со стильной короткой стрижкой.

– Знакомься, Варенька, это Лайон Невельсон, глава... – тут Руслан назвал известнейшую фирму, занимавшуюся строительством отелей в Европе, и я мгновенно «сделала стойку», – и его супруга Дайан. А это – моя близкая подруга, адвокат Варвара Жигульская, между прочим, очень крупный специалист в области недвижимости и строительного права.

– Как? Такая очаровательная женщина – и такая мужская специальность? – удивленно воскликнул Лайон по-русски, но с ломовым акцентом. Помимо удивления, в голосе послышалась неприкрытая издевка.

– Это сексизм, господин Невельсон, – невозмутимо отозвалась я, и он еще выше вздернул седые кустистые брови:

– Сексизм? В чем же?

– В том, что вы считаете женщину неспособной разбираться в вопросах строительного права, – очаровательно улыбнувшись, сказала я и почувствовала, как Руслан легко коснулся сзади моей спины, давая понять, что меня немного заносит. – Но не думаю, что нам стоит обсуждать это сейчас, перед тем как мы увидим «Дон Кихота». Это один из моих любимых балетов.

– Вы и в этом разбираетесь? – иронично спросил Невельсон, явно настроившийся вывести меня из терпения, но я не поддалась, чтобы не подвести Руслана и не выставить его в неприглядном свете:

– В этом – даже лучше. Я очень люблю балет.

– Тогда, я уверен, вы найдете общий язык с моей супругой, если, конечно, вы говорите по-английски.

Нет, каков же козел... Бывают же люди, которые при внешней приятности ухитряются всего парой фраз испортить впечатление и вызвать негатив в свою сторону. Я говорю по-английски, по-испански и по-французски намного лучше, чем ты по-русски, но да ладно. Руслан, однако, почувствовал, что я напряглась, и поспешил перевести разговор в более мирное русло, перейдя на английский и сообщив, что я владею несколькими иностранными языками. Супруга Невельсона тут же оживилась, взяла меня под локоть и отвела в сторону, начав задавать вопросы о моих любимых балетах и о составе, исполнявшем «Дон Кихота» сегодня. Женщина оказалась куда приятнее своего супруга, и мы отлично провели время до начала спектакля. Сидя в ложе, я обрадовалась, что Руслан предусмотрел все, сев между мной и Дайан, чтобы Лайон оказался как можно дальше.

– Извини меня, – шепнул он, когда раздалась первые аккорды музыки.

– За что?

– Я не подумал, что твои регалии произведут такое впечатление на Лайона и он начнет разговаривать в таком скептическом тоне. На самом деле он неплохой мужик, но вот к женщинам в бизнесе относится не особо...

– Мне все равно. Просто держи его от меня подальше, хорошо? – шепнула я ему на ухо и вдохнула исходивший от Руслана чуть акцентированный аромат мужской туалетной воды «Шанель». И без того взбудораженная его близостью, сейчас я вообще едва не потеряла голову.

Видимо, что-то такое промелькнуло между нами, потому что Руслан чуть прикрыл глаза и осторожно положил руку на спинку моего кресла, слегка коснувшись обнаженной шеи. И до самого антракта эта рука так и лежала там, время от времени прикасаясь к моей коже и вызывая легкую дрожь во всем теле. Если так пойдет дальше – окончания балета я могу не увидеть, потому что... Да вот потому что – и все. Встану и выйду из ложи, пойду в буфет и напьюсь. Я просто не вынесу этого больше. Во мне сейчас боролись два чувства – нежелание возобновлять роман с Русланом и страстное влечение к нему. Я прекрасно понимала, что, какое бы из этих чувств ни возоблагодало, конец будет плохим. Хотя... Руслан, насколько я помнила, не был навязчивым и ни за что не стал бы преследовать меня, и в постели с ним было хорошо – так почему я так уверена, что наше повторное сближение невозможно или принесет нам обоим дискомфорт? Мне больше некому хранить верность – да и не хранила я ее никогда, чего уж там. Руслан свободен – значит, и тут у меня не возникнет угрызений совести. Я решила больше не мучиться и отпустить ситуацию, позволив Руслану главенствовать, и посмотреть, чем все закончится.

На самом же деле нужно было уже тогда оборвать все.

Глава 3

Рискованный бизнес

*Если со своими делами тебе интереснее, чем с другими людьми,
ты безнадежно одинок.*

Сейчас все заняты только «своими делами».

Анхель де Куатье

Руслан довез меня до дома, проводил до квартиры и не сделал попытки войти, хотя я и приглашала. Но он сослался на какое-то совещание с утра и ушел. Я почувствовала себя обманутой и в бешенстве разодрала юбку и топ, решив, что больше никогда не надену вещь, принесшую мне неудачу.

В понедельник утром я проснулась с головной болью и мечтала только о том, чтобы остаться в постели и спать, но в двенадцать часов меня ждали в арбитражном суде. Кое-как уговорив себя встать, я с трудом привела себя в порядок и позвонила водителю. Тот, как оказалось, знал мое расписание лучше меня, а потому уже стоял у подъезда.

Плюхнувшись на заднее сиденье, я попросила уменьшить работу кондиционера, сняла пиджак и расстегнула три пуговицы на блузке:

– Уф, какая жарница... Володя, извините за кондиционер, но я моментально простыну.

– Не волнуйтесь, Варвара Валерьевна, я потом включу, когда вас высажу, – невозмутимо отозвался водитель.

– Спасибо, – пробормотала я и вынула из портфеля бумаги, погружаясь в чтение.

Неприятным сюрпризом явилось то, что рядом с представителем ответчика я увидела того самого Лайона Невельсона, с которым вчера рассталась после ужина. Мелькнула мысль, что это Руслан специально подстроил наше знакомство, но потом я сообразила, что он не мог быть осведомлен о моих делах. Значит, это случайность...

Все время, пока длилось заседание, господин Невельсон не сводил с меня глаз. Но это не могло выбить меня из колеи, и арбитраж мы выиграли. Клиент на радостях обнял меня прямо в зале заседаний, а потом пригласил в ресторан, чтобы отметить победу, но я отказалась – голова болела все сильнее. Попрошавшись, я собрала бумаги в портфель, не глядя бросила мобильный и ручку в сумку и пошла к выходу. В дверях меня перехватил Невельсон:

– Добрый день, Варвара, – с трудом выговаривая мое имя, произнес он.

– Добрый день, господин Невельсон, – сухо ответила я, мечтая как можно скорее оказаться на улице. В помещении было очень душно, блузка под пиджаком прилипла к спине, мне хотелось в душ и в постель, а не расшаркиваться тут с неприятным человеком.

– Позвольте выразить вам мое восхищение. Ваша речь была... – он защелкал пальцами, подбирая нужное слово, – впечатляющая, вот.

– Рада, что вам понравилось.

– Вы обижены на меня?

Я пожала плечами:

– За что я должна быть на вас обижена? Мы ведь едва знакомы.

– Тогда предлагаю это исправить. Время обеда... – Он многозначительно взглянул на меня, словно из его фразы я должна была сделать немедленный вывод о его намерениях. – Вы меня понимаете?

– К сожалению, вынуждена отказаться – меня ждут в офисе, – непринужденно соврала я и не удержалась, конечно же, от колкости: – То, что я женщина, не освобождает меня от служебных обязанностей даже после удачно проведенного арбитража, знаете ли.

Лысина Невельсона побагровела, и я удовлетворенно улыбнулась – злиться, это хорошо. Хоть немного сойдет с него спесь.

– Жаль. Тогда мы пообедаем в другой день, обещайте.

Пришлось достать визитку:

– Позвоните мне, у меня довольно плотный график в этом месяце.

Невельсон сунул визитку в бумажник и раскланялся, а я наконец получила возможность выйти на улицу. Там оказалось еще хуже, чем в здании суда, – настоящее пекло, и я, на ходу сдирая пиджак, двинулась к машине.

Володя читал газету, но, едва я взялась за ручку двери, мгновенно свернул ее и выпрямился:

– Закончили уже? Как все прошло?

– Хорошо все, – усаживаясь на заднее сиденье, ответила я, – только душно очень.

– Так и на улице плюс тридцать, – отозвался Володя, заводя двигатель. – В офис?

– Нет, домой – голова заболела.

– Ну и правильно, отлежитесь. Я вам буду еще нужен сегодня?

– Нет, можете отдыхать, я не планирую больше никаких поездок, буду тихо умирать в темной спальне.

– Давайте в аптеку заедем, наверняка у вас даже анальгина дома нет.

Проницательность моего водителя порой очень меня веселила – Володя настолько хорошо успел меня изучить, что знал почти все тонкости моего образа жизни. Разумеется, в моей домашней аптечке было пусто.

Мы заехали в аптеку, водитель вышел оттуда с пакетом лекарств и подробно объяснил, в какой последовательности и что именно нужно принимать.

– Вам бы в аптекари пойти, Володя, – пробормотала я, убирая пакет с таблетками в сумку.

– Ну уж нет! Мне за рулем привычнее.

До дома добрались относительно быстро, и это меня очень обрадовало – голова болела все сильнее и стояние в пробке казалось невыносимой пыткой. Распрощавшись с водителем, я вошла в прохладный подъезд и нажала кнопку лифта. В этот момент в сумке зазвонил мобильный, который я просто не догадалась выключить сразу, едва вышла из здания суда. Кое-как найдя трубку среди всякой всячины, которой была набита моя сумка, я взглянула на дисплей – звонил Туз.

– Да, слушаю, Анатолий Иванович, – ответила я, прислонившись к стене.

– Здравствуй, Варвара. – После подобного приветствия обычно следовал серьезный разговор, и это мне совершенно не понравилось, потому что было не вовремя – сегодня. – Ты уже освободилась?

Пришлось сознаться, что я уже дома:

– Да, на сегодня я все закончила, домой вот иду, мигрень начинается. – Эта маленькая хитрость призвана была намекнуть Тузу, что сегодня мне не до серьезных разговоров, но он не понял – или сделал вид, что не понял:

– Ну, таблеточку выпей какую-нибудь, я к тебе подскочу через полчаса-час, дело есть.

О черт... Конец моим мечтам о темной спальне и большой кровати. Но что делать – не могу же я отказать человеку, который столько сделал для меня.

Для надежности я выпила сразу две таблетки обезболивающего, сварила крепкий кофе и приготовилась ждать Туза.

Он приехал ровно через час. Такая пунктуальность всегда удивляла меня – и это в Москве, где невозможно рассчитать что-либо. Он поднялся в квартиру один, без обязательного сопровождающего, и это говорило о двух вещах – во-первых, он не ждет от меня подвоха, а во-вторых, разговор важный и лишние уши здесь не нужны.

– Выглядишь ты не очень, – заметил Туз, проходя в гостиную, где так и остался Светиков роуль, служивший мне неммым укором, из-за чего я довольно редко сюда заходила.

– Голова болит очень сильно. Присаживайтесь.

Туз облюбовал большое кресло у окна, отказался от предложенного кофе и сразу начал:

– Ты вчера с кем была в Большом?

Я на секунду онемела – даже представить не могла, что он за мной следит.

– С приятелем.

– Да? Подходящие приятели у тебя.

– А что в нем неподходящего? Нормальный человек.

– Да ты сядь, чего отсвечиваешь, – кивнул Туз в сторону дивана, и я села. – Говоришь, с приятелем, значит... Ну, пусть так. А второй кто? С бабой?

– Глава одной строительной фирмы, но его я почти не знаю.

– Настолько не знаешь, что он аж на сегодняшний арбитраж к тебе приперся? – В голосе Туза послышалось недоверие.

– Вряд ли он приехал из-за меня. Он сидел с представителем ответчика, так что...

– Не юли, Варвара, не люблю, – поморщился Туз.

– Я не юлю, я действительно не понимаю, к чему вы клоните.

Он вздохнул, потер пальцами переносицу и снова уставился на меня своим пронизывающим насквозь тяжелым взглядом:

– Что у тебя с этим Алиевым?

– Ничего. Но вам не кажется, что это слегка некорректно?

– Ну, поучи еще меня, что корректно, а что нет, – по-стариковски буркнул Туз, и я поняла: он сердится. – Мне совершенно безразличны твои шашни с ним, меня интересует другое – насколько ты можешь на него влиять.

– Влиять? Я? На Руслана? – Это предположение меня удивило и повеселило одновременно.

Руслан Алиев был как раз из тех мужчин, влиять на которых мне не удавалось, а таковых в природе всего единицы. Наверное, я почувствовала это сразу и потому даже не пыталась – к чему? Бесплодных усилий я не любила и не признавала. И тут вдруг Туз выдвигает предположение, что я могу как-то... Ну, смешно же.

– А что тебя так удивило? – невозмутимо спросил он. – Красивая властная баба всегда может склонить влюбленного мужика в ту сторону, что нужна ей. И твой Алиев – не исключение.

– Возможно. Только мне от него ничего не нужно.

– Ой ли? Ну да ладно, это твои подробности. А вот мне – нужно. И от него, и от его приятеля заморского. Так понятнее?

О черт. Это было как раз то, чего я боялась и подспудно ждала все эти годы, что была знакома с Тузом. Расплата за всю его помощь мне. Бескорыстных людей не бывает, а такие, как Веревкин, корыстны по определению, они ничего не делают из соображений альтруизма. Наивно было надеяться, что я стану исключением из общего правила.

Я вскинула глаза на Веревкина, словно хотела убедиться, что он не всерьез об этом заговорил, но наткнулась на его холодный, острый взгляд и сникла.

– Ну, что голову повесила? Боишься Русланчика своего подставить?

Не то чтобы я считала Руслана «своим», но в главном Туз был прав – причинять ему неприятности я не хотела. А он продолжал:

– Так не бойся, ему ничего не угрожает, даже наоборот. Главное, чтобы вел себя правильно.

– Что вы хотите от него?

– Я расскажу, – кивнул Туз, – но ты даже не пытайся меня обвести – не выйдет. От тебя тоже требуется не так много и не настолько криминально. Ты должна сделать все, чтобы тот участок, который обещал Невельсону под отель Алиев, достался другой фирме. Проще говоря – ты должна помочь мне выиграть тендер на застройку. Это место недалеко отсюда, кстати, можешь прогуляться, если интересно.

Ну, ничего себе... Центр Москвы, золотая жила, участок под отель! И я должна каким-то образом убедить Руслана отдать тендер фирме, которую «курирует», если можно так выразиться, криминальная структура, возглавляемая Тузом? Отличная идея, блестящий план!

– Вы считаете, мне это под силу? – иронично спросила я, хотя мне очень хотелось рыдаться.

– Тебе – да, – утвердительно кивнул Туз, – я в этом вообще не сомневаюсь. Такая девочка, как ты, Варенька, способна заставить мужика отдать мне под застройку Московский Кремль, если мне вдруг это понадобится.

– Вы явно переоцениваете меня, и я даже не стану врать, что мне это приятно – нет, неприятно.

– Неприятно? А когда я тебе помогал выбраться из этой заварухи со Снежинкой, твоим папашей и любовничком-оборотнем – было приятно? – совершенно спокойно спросил он, и я опустила голову.

Да – если бы не Туз, мне ни за что не выбраться бы из ситуации с Настей Потемкиной, вдовой владельца загородного поселка Снежинка. Именно Туз помог мне спрятать Настю и ее дочку от наседавших рейдеров, которыми оказались мой дядюшка (ну не могу я называть его отцом!) и мой любовник Кирилл Мельников. Как же я была наивна, если считала, что Туз никогда не потребует благодарности за свою помощь...

– Хорошо. Но...

– Давай без «но», Варвара, – сразу обрезал он, – тендер через два месяца, сейчас готовятся документы, у тебя времени достаточно. Обещаю, что после этого ничего больше у тебя не попрошу и отношения наши никак не изменятся, ты всегда сможешь на меня рассчитывать. Даю слово.

Это меня немного успокоило – слово, данное кому-то, для Туза было делом чести, и он скорее умер бы, чем нарушил его. Но что с того? Для начала мне нужно придумать, как подтолкнуть Руслана к нужному решению, а я ничего не соображаю. И больше всего мне не хотелось возобновлять наш роман «по поводу», а не из-за вновь вспыхнувших чувств. Ощущение мерзкое...

Туз поднялся из кресла, глянул на часы:

– Мне пора. Ты умная девочка, Варя, сама поймешь, как действовать.

Я проводила его до двери и, закрыв ее, осела по стене на пол. С сегодняшнего дня начнется что-то невообразимое...

Глава 4

Страсть Снежной королевы

Мужчина, который не знает толка в любви, будь он хоть семи пядей во лбу, – неполноценен и подобен яшмовому кубку без дна.
Ёсида Кэнко

Остаток дня я провела в постели, отключив все телефоны и задернув шторы. От визита Туза осталось отвратительное послевкусие, но чего я еще хотела? За все в жизни нужно платить – и за зло, и за добро. Вопрос только в цене. Может, я напрасно драматизирую? Меня с Русланом ничего особенно не связывает – всего лишь закончившийся роман и вновь вспыхнувшее влечение, больше ничего. Может, и не стоит переживать? Что криминального в том, чтобы помочь старому приятелю получить то, что ему нужно, использовав при этом своего бывшего любовника? Но тогда почему мне так противно? Почему хочется лежать здесь, в темноте прохладной спальни, и рыдать в подушку? Я становлюсь слабее? Нет. Я влюблена? Тоже нет. Но тогда – что? А ответ прост – я ненавижу, когда на меня давят или когда меня используют. А особенно если это делает человек, которому я чем-то обязана. Зависимость – вот чего я не признаю. Это именно то, что вызывает во мне протест. Даже будучи в браке, я всегда была свободна – и, видимо, именно это и положило браку конец. Ну что ж... Значит, брачные узы – не мое. Ведущее слово – «узы».

Уснуть не удавалось, я встала и вышла на балкон, открыла створку и уселась с сигаретой, забросив ноги на перила. На Москву опустился жаркий летний вечер, все уже вернулись с работы, у кого-то играла музыка, во дворе слышались детские голоса – жара спала, и мамыши вышли с колясками и ребятишками от трех до семи лет. Не завидую я им...

Мысли невольно перенеслись к бывшему мужу и его сыну Макару. Волей-неволей мне приходилось иногда сталкиваться с мальчиком у моей бабушки, которая готовила его к различным музыкальным конкурсам. Эти встречи проходили ровно – что мне делить с учеником начальной школы, но между мной и бабушкой в такие моменты всегда возникало напряжение. Бабушка никогда не одобряла моего нежелания иметь детей и осуждала то, что я не смогла принять сына Светика. Мне это было странно. Чего она ждала? Что я с распростертыми объятиями возьму в свой дом ребенка, которого мой дорогой талантливый дирижер и композитор нагулял на стороне? Мало того – все эти годы бабушка помогала ему скрывать этот факт от меня, от собственной внучки! И после этого я должна каким-то образом проникнуться к этому пацану нежными чувствами? Да, конечно! И они оба – и Светик и бабушка – никак не хотели понять меня. Я относилась к Макару ровно – и этого было с лихвой при моем-то характере, но им этого было мало. А я никак не могла объяснить, что просто не могу полюбить чужого ребенка, постоянно напоминающего мне об измене мужа и о предательстве бабушки. Теперь все, казалось бы, встало на свои места – Светик ушел, чтобы жить с Макаром и воспитывать его, бабушка получила что хотела – внука, пусть и неродного, которому передавала свои музыкальные знания, а я осталась в одиночестве, что, надо признать, пошло мне на пользу. Но если Светика я смогла вычеркнуть из жизни, то с бабушкой так не поступишь – она фактически единственный родной мне человек, маменька, живущая в Швеции, не в счет. Я исправно ездила, проводила иногда половину выходного дня, разговаривала о чем-то. Бабушка вела себя как обычно, хотя я чувствовала, насколько ей стало тяжело со мной. Всю вину за развод со Светиком, которого обожала, она переложила на меня и всякий раз, едва поднималась эта тема, не забывала напомнить мне об этом. Никто не может ранить нас сильнее и четко попасть в больное место, как наши близкие...

Докурив, я встала и вернулась в комнату. Нужно что-то придумывать, как-то начинать закидывать удочки в сторону Руслана, а у меня нет ни сил, ни желания. У меня были совершенно другие планы на него – и теперь все рухнуло.

Я взяла телефон и, включив, проверила пропущенные звонки. Трижды звонила Аннушка, но это ничего – вряд ли у нее что-то важное. А вот четыре звонка от Руслана – это уже кое-что. Набрал его номер, я долго слушала гудки, но наконец он ответил:

– Варь, ты куда пропала сегодня? Звоню-звоню...

– Прости, голова болела, я отключила телефон.

– Но сейчас-то все в порядке?

– Да, мне лучше. Руслан...

– Что?

Но я не смогла произнести фразу «Приезжай ко мне», не смогла – и все тут, как будто по затылку чем-то огрели. Хорошо, что Алиев такой проницательный и сам все понял:

– Я сейчас приеду.

Вот то, что я люблю в мужчинах – он не спрашивает, можно ли приехать, он ставит перед фактом – «все, я еду, и наплевать на твои отговорки». Мельников тоже таким был... О черт, ну почему я постоянно его вспоминаю? Потому, что так и не выбросила очередное письмо? Или потому, что признаю его лучшим из всех, кто был со мной? Почему нельзя взять и все забыть? Но как? Как?!

Все, нужно это прекратить немедленно, иначе испорчу настроение и себе, и ни в чем не виноватому Руслану.

Загнав обратно выкатившиеся было слезы, я прошла в ванную и переоделась в шелковый пеньюар с французским кружевом, немного подкрасилась и чуть коснулась запястий и шеи пробкой от флакона «Шанель № 5». Терпеть не могу этот аромат, но Руслану он нравился, это я помнила. Кстати, не исключено, что этот флакон духов презентовал мне именно он, просто я уже забыла.

Я так и не стала включать верхний свет в квартире – почему-то показалось, что яркость ламп сейчас будет неуместной. Мне хотелось как можно больше сумрака, словно он даст возможность спрятать мои истинные намерения. Но что греха таить – приказ Туза является далеко не единственной причиной появления Руслана в моей квартире. Я действительно сама хочу его увидеть. Судя по голосу, он уже все для нас решил. А я тоже не железная и никому ничего не должна.

Звонок домофона заставил меня вздрогнуть. Пока Руслан поднимался на лифте, мое сердце глухо стучало, отсчитывая секунды, как таймер, – еще немного, и произойдет что-то, чего уже никогда будет не исправить. Дверь открылась, и на пороге возник Руслан с букетом лилий.

– Ты меня завалил цветами, – заметила я, принимая букет и закрывая дверь.

– Это пустяки. Как ты себя чувствуешь?

– Мне уже лучше. Проходи. Мне кажется, ты впервые в моем доме?

– Тебе не кажется.

– Тогда у тебя есть пара минут осмотреться, пока я поставлю цветы в воду, – улыбнулась я и ушла вглубь квартиры, оставив в прихожей легкий аромат духов.

Пока я возилась в кухне с букетом, подрезая стебли, Руслан прошелся по квартире и нашел меня:

– Примерно так я себе твою квартиру и представлял. У тебя есть вкус, милая, но в этом я никогда не сомневался.

– Рада, что тебе понравилось.

Я поставила вазу на стол и повернулась, чтобы выйти, но оказалась лицом к лицу с Русланом, остановившимся в дверном проеме. Секунд десять мы стояли молча, глядя друг другу

в глаза, и я слышала, как он дышит и как стучит мое собственное сердце. Наконец Руслан взял мою руку и положил себе на грудь, сильно прижав к рубашке.

– Ты не устала строить из себя неприступную крепость?

Играть не имело смысла – к чему? Мы взрослые люди, пора называть вещи своими именами и делать то, что нам хочется. Тем более что это желание взаимно.

– Устала. Я рада, что ты пришел. Поцелуй меня, пожалуйста, пока я не наговорила глупостей, – почти жалобно попросила я, и он, чуть наклонившись, прикоснулся губами к моему полуоткрытому рту.

Я моментально вспомнила все, что у нас с ним было, хотя длилось это довольно недолго и весьма эпизодически – в то время мы, очевидно, не настолько сильно зацепили друг друга. Сегодня все пошло иначе, и это мне понравилось. Руслан оказался не из тех, кого бремя власти заставляет быть слабым и подчиняющимся в постели, скорее наоборот. Ему нужно было быть главным везде, и меня это вполне устраивало. Да, помнится, я давала себе слово никогда больше не связываться с бывшими, но Руслана вряд ли можно было считать бывшим в полном смысле этого слова. В какой-то момент мы перестали спать вместе, но отношения не прерывали – так, может, это будет новый опыт?

Руки Руслана легли мне на плечи, потом переместились на лицо, и он оторвался от моих губ, поворачивая мою голову к свету, пробивавшемуся через легкую оконную штору. Такие сильные, властные пальцы, которым хочется подчиняться...

– Ты очень красивая, Варька... – прошептал он, изучая мое лицо так скрупулезно, словно искал следы от пластических операций, – такая красивая... и запах... – он скользнул губами по шее к уху, – такой запах...

У меня немного закружилась голова, я чувствовала себя змеей, которую гипнотизирует факир при помощи дудочки, но у моего факира вместо нее был голос и руки, скользившие по моему лицу и шее.

– Ты очень изменилась, Варька, так сильно изменилась... – шептал Руслан, изучая мое лицо на ощупь, – сколько же времени я не держал тебя вот так? Страшно подумать... Как я мог тебя отпустить? Дурак, идиот... Ты же та самая женщина, что должна быть рядом со мной...

«Ну зачем он это говорит? – почти простонала я про себя, закрывая глаза. – Он заставляет меня чувствовать вину, а я это ненавижу».

К счастью, Руслан умолк, только продолжал гладить меня по лицу и шее, и я почему-то подумала, что могут остаться синяки, но тут же отогнала от себя эту мысль – от кого их прятать? А прикосновения Руслана мне приятны и вызывают легкую дрожь во всем теле. Я подняла руки и обвила ими шею Руслана, пробежала пальцами по побритому затылку, взъерошила волосы на макушке. Руслан вздрогнул и крепко прижал меня к себе, как будто боялся, что я убегу. Но куда мне было идти от него? Да и желания сделать это не возникало.

– Идем в спальню, – предложила я шепотом, одновременно расстегивая пуговку на его рубашке и касаясь пальцами груди.

– Не торопи меня. Мне все время кажется, что ты играешь и через минуту все закончится, – вдруг признался он, и мне стало почему-то очень стыдно – как будто Руслан застал меня за чем-то неблагоприятным. Надо же – я ухитрилась мучить и его тоже, точно так же, как Светика и всех остальных.

– Я не играю, Руслан, и вряд ли когда-либо была с тобой более искренна, чем сейчас. Я никуда не уйду и не отпущу тебя. Ты мне очень нужен.

И, хоть я вложила в эту фразу всю страсть и искренность, на которую вообще была способна, в глубине души я понимала, что имею в виду под словом «нужен». Совсем не то, что хотела вложить в него изначально еще вчера вечером...

Его сердце сделало лишний удар – мои слова оказались неожиданными, совершенно очевидно, что Руслан не был готов к таким откровениям. Обычно я лишь принимала его ухажи-

вания и ласки с холодной улыбкой Снежной королевы, как он часто называл меня даже в переписке. Сегодня же мне самой хотелось другого поведения, других эмоций. Другой меня.

Я все-таки ухитрилась перехватить инициативу и, взяв Руслана за руку, повела в спальню.

– Скажи мне, какой ты хочешь чтобы я стала? – спросила я, останавливаясь на пороге.

Он внимательно оглядел меня и осторожно потянул пояс халата, развязывая его и роняя с плеч на пол.

– Будь собой, моя Снежная королева, ничего другого я не хочу.

Его руки скользили по шелку рубашки, сбрасывали бретельки, обнажая меня до пояса. Я расстегивала его рубаху, ремень брюк и неотрывно смотрела в глаза – Руслан даже не скрывал восхищения и предвкушения того, чем мы займемся совсем скоро. Он оставил меня и лег на кровать, не отводя взгляда. Я прилипла спиной к стене и чувствовала, как дрожат ноги. Как же он смотрит на меня... С ума сойти!..

– Сними все, – севшим голосом велел Руслан, и я скинула рубашку на пол. – Иди ко мне.

Я качнулась в сторону кровати и едва не упала, но вовремя удержала равновесие и, сделав два шага, легла рядом с Русланом. Он завел мои руки за голову и навис надо мной, как утес:

– Ты сегодня какая-то другая.

– Тебе не нравится?

– Пока не понял. Но ощущение новизны возбуждает, скажу тебе...

– Предлагаю сравнить, – улыбнулась я, поворачиваясь так, чтобы освободить руки и обнять его.

Руслан поцеловал меня и опрокинулся на спину, увлекая за собой:

– Хочу все время на тебя смотреть. Нет ничего более приятного, чем смотреть на красивую женщину.

– Особенно когда она лежит на тебе голая, да?

– И это тоже, дорогая, это тоже...

Глава 5

Угрызения совести

Ложь помогает существовать, но она убивает жизнь.

И это труднее всего – не врать самому себе.

Ангель де Куатье

Мы провели потрясающую ночь – удивительно нежную и знойную, я даже удивилась, что Руслан может быть таким, – или просто забыла об этом.

– Красной Шапочке все было ясно и понятно, но кому какое дело, если им с Волком нравилась эта игра? – пробормотала я, вытягиваясь на постели навзничь и зарываясь лицом Руслану в подмышку.

– Это ты-то Красная Шапочка? – засмеялся он, поглаживая мою спину. – Да ты любого Волка загоняешь. Может, покурим?

– Не уходи... Не разрушай иллюзию... – попросила я, осторожно вонзая ногти ему в грудь.

– Иллюзию чего, милая? Все слишком реально, не находишь?

– Мне кажется, что я сплю и, стоит открыть глаза, как все исчезнет, а ты окажешься просто миражом.

– Не бойся. Я, наверное, слишком затянул, нужно было раньше...

– Что?

– Ты ведь свободна теперь, насколько я слышал?

– Да, остались небольшие формальности. Но разве тебе это важно? Помнится, раньше ты не особенно заострял внимание на моем штампе в паспорте.

– Времена меняются, милая. Начнем появляться на людях чаще – станут копать. К чему тебе сложности?

– Мне? Или тебе?

Руслан рассмеялся, легко поднял меня и уложил сверху:

– Я нахожусь на той ступеньке карьеры, когда уже могу позволить себе плевать сверху вниз на то, что там делается у подножия лестницы. Да и не в этом дело. Я понял, что не хочу тебя потерять.

Я прижала ладонь к его губам и прошептала:

– Я же просила – не разрушай иллюзию. Не надо ничего говорить сейчас. Никогда не обещай ничего в тот момент, когда ты счастлив.

Он легонько укусил меня за ребро ладони и рассмеялся:

– И что же – мне теперь приказано молчать постоянно? Если я счастлив?

– А ты счастлив, Руслан? – Я водила пальцем по его лицу, по густым бровям, по спинке тонкого хищного носа, по волевому подбородку, выбритому так гладко, что кожа казалась шелковой.

– Можешь мне не верить, но сейчас я счастливее, чем был когда-либо. Ты цены себе не знаешь, Варька.

– Ну почему? Гонорар у меня весьма приличный, – усмехнулась я.

– Не сомневаюсь. И знаю, что ты привыкла его отрабатывать до копейки, это очень важная черта для бизнесмена. То есть, прости... – Но я только улыбнулась:

– Не извиняйся. Я знаю, как меня зовут в тусовке.

– Щука, что ли? Так это же правда – разве нет? Но я не об этом. Ты цельная, Варя, умная – я не встречал раньше таких женщин.

Я скатилась с него и закинула руки за голову, закрыла глаза и пробормотала:

– Скучно с тобой... Мне всегда не давал покоя вопрос, уж прости, задам его тебе. Вам, мужикам, что – где-то выдают текст, написанный под копирку? Если бы ты знал, сколько раз я слышала эти фразы... И ты, как человек, безусловно, умный и талантливый, мог бы избежать повторов.

Руслан оглушительно захохотал и, перевернувшись, шутливо сжал руки на моей шее:

– Придется тебя убить, неверная! Я, если ты забыла, мужчина восточный и не потерплю такого отношения! – Не выдержав накала эмоций, он рухнул на меня и продолжил хохотать уже куда-то в подушку: – Фразой про текст ты меня уничтожила, конечно... Что – действительно многие это говорят?

– Практически все.

Мы хохотали уже вдвоем, обнимаясь и вновь сплетаясь телами на широкой кровати.

– Ты удивительная, Варька... – прошептал Руслан мне на ухо, и у меня снова стало очень тепло на душе.

Утомившийся Алиев уснул, успев пробормотать, что ему нужно встать в шесть часов. Я бросила взгляд на часы – спать нам осталось не больше двух часов. Наверное, нет смысла и пытаться, лучше просто полежу. Я осторожно обняла спящего Руслана за талию, прижалась всем телом и затихла. Ну вот – все началось. То, чего я хотела, и то, чего боялась. И мне придется практически предать человека, с которым я близка. Интересно, что чувствовал Мельников, когда спал со мной и знал, зачем делает это? Я никогда ему не верила до конца, хоть и любила. Где-то внутри всегда кололась маленькая иголочка недоверия, отчего любое слово и действие Кирилла я рассматривала буквально в микроскоп, стараясь понять, в чем же кроется причина моего неверия. Так и не поняла, к сожалению... Наверное, просто не успела. Но, может, это к лучшему – разочарование было не настолько сильным, как могло бы быть. Но даже того, что пришлось испытать, когда я узнала, кто на самом деле Кирилл, с лихвой хватило мне и загнало на крышу дома. Если бы не телохранитель – меня бы уже не было. Этой своей слабости я стыжусь по сей день и не понимаю, каким образом дошла до такой глупости, как попытка самоубийства. Нет ничего страшнее для меня, чем показаться слабой, а уж проиграть мужчине... Ведь Мельников выиграл бы, шагни я с крыши. Интересно, что бы он почувствовал, когда узнал об этом? Хотя – зачем мне это?

Очень захотелось курить. Я тихонько выбралась из-под одеяла, подобрала валявшиеся на полу халат и рубашку и вышла в коридор, прикрыв за собой дверь. Бросив взгляд в большое зеркало, увидела, как неожиданно похорошело мое лицо, и даже растрепанная стрижка не мешала, а наоборот, придавала мне свежести. «Вот что значит правильный мужик», – ухмыльнувшись, я вышла на балкон и с наслаждением закурила. Было как раз то время, когда большой шумный город наконец-то замирает и кажется пустым и сонным. Город без людей прекрасен, я давно это заметила. Если по каким-то причинам я не спала в этот час, то всегда выходила на балкон и любовалась вымершим мегаполисом, чья прелесть заключалась в том, что на самом деле он полон живых людей, которые через пару часов заполнят его улицы. Знать, что вокруг все же есть жизнь, тоже было приятно, это давало какую-то надежду. Нельзя жить и ни на что не надеяться, это не жизнь, а пустое существование. А мне важно было во всем иметь смысл и надеяться, надеяться...

К шести утра я успела немного поработать с бумагами, приготовить завтрак и сварить кофе. Оглядев накрытый стол, я про себя хмыкнула – будучи замужем за Светиком, я никогда не готовила завтраков, это целиком и полностью была его сфера ответственности. Мне даже в выходной не приходило в голову подняться пораньше и сделать мужу приятный сюрприз. И вот я извращаюсь возле плиты ради человека, лежащего сейчас в моей кровати. Ради человека, которого предаю через два месяца...

Глава 6 Капкан

Хорошая репутация – это только лишняя обуза.

Она не в состоянии вознаградить нас за все жертвы, которых она нам стоит.

Маркиз де Сад

Я даже не подозревала, что меня так затянет возобновившийся роман с Русланом. Обычно я бывала более прохладна с поклонниками и не кидалась в отношения очертя голову, но сейчас просто не могла справиться с захлестнувшими меня чувствами. Руслан казался мне лучшим из мужчин, я даже познакомила его с Аннушкой, и та, округлив глаза до размеров блюдца, трясла меня за плечи в туалете ресторана в Барвихе, куда мы приехали втроем:

– Ты дура, Жигульская! Не вздумай упустить его, это же просто... это мечта, а не мужчина!

– Ой, да брось! – с напускным безразличием отмахивалась я. – Обычный мужик, просто статусный.

– Нет, ты определенно дура! Я никогда не видела, чтобы мужчина так к тебе относился, даже Светик! Этот Руслан боится дышать, когда ты на него смотришь, он же каждое твое движение предугадывает! Ты еще только посмотрела, а он уже тебе устрицу из раковины достал! Только плечами повела – он уже плед накидывает! Ты что – в самом деле идиотка слепая?! – бесновалась моя подруга, успевая при этом еще и макияж поправлять.

Я же только улыбалась и молчала. Мне было страшно спугнуть то, что сейчас происходило между нами. Мы встречались почти каждый вечер, и, если у Руслана не было срочных дел назавтра, он оставался у меня ночевать. Мы проводили вместе выходные в его загородном доме, по нелепому стечению обстоятельств находившемся в той самой злополучной Снежинке, из-за которой все в моей жизни пошло кувырком. Сейчас этот поселок перестал таить в себе угрозу, и я даже показала Руслану дом, который, пусть совсем недолго, но принадлежал лично мне – я продала его вместе с акциями и на эти деньги купила и отреставрировала здание театра для Светика. Правда, пришлось, конечно, привлечь спонсоров, одной бы мне такое дело не потянуть, я все же не Рокфеллер. Но зато теперь меня не мучила совесть – я сдержала данное себе обещание, обеспечила бывшему мужу возможность заниматься только музыкой, а не вникать в бухгалтерию или вопросы аренды помещения. Я никогда не желала ему зла, это правда, – я преклонялась перед его талантом композитора и мастерством дирижера, но жить в одной квартире с гением и его внебрачным ребенком оказалось не по мне. Все бумаги к бракоразводному процессу были уже подготовлены, оставалась формальность – подписать их. И вот перед самым разводом мы неожиданно столкнулись на приеме в австрийском посольстве, куда Руслан пригласил меня в качестве официальной спутницы. То, что Светик тоже может быть там, я как-то не сообразила, а ведь он не раз бывал приглашен с концертами в Венскую оперу. И вот мы сталкиваемся нос к носу, и я вижу, что мое отсутствие в его жизни наложило некий отпечаток на внешний вид Светика. Смокинг выглядит изжеванным, галстук-бабочка чуть съехал набок, стрижка у Светика оставляет желать лучшего... И весь его облик какой-то... неухоженный, что ли. Это уязвило меня – никогда в жизни я не позволила бы себе выпустить Лемешинского в таком виде из квартиры и уж тем более – на прием в посольство. Совершенно очевидно, что его несостоявшаяся теща плевать хотела на то, как выглядит отец ее внука.

Светик прищурился, окинул ревнивым взглядом моего спутника – и это меня очень удивило, прежде Светик никогда не позволял себе таких эмоций, как ревность, – и, улыбнувшись, едко заметил:

– Вижу, Варенька, ты времени даром не теряешь.

Почувствовав, как напрягся Руслан, я осторожно взяла его под локоть и спокойно ответила:

– Мы с тобой разошлись год назад, не так ли? Мне показалось, это достаточный срок для соблюдения всех приличий, если ты об этом. Ты, к счастью, жив-здоров, и я в связи с этим совершенно не обязана носить траур до скончания века.

Светик вспыхнул:

– Мне нет дела до твоих приличий. Но ты ставишь меня в неловкое положение своим появлением здесь... в таком качестве. Если помнишь, посол отлично знает, что ты моя жена.

– Ничего, думаю, посол не обратит внимания. А если спросит – то что мешает тебе сказать правду?

– Правду? Сказать, что моя жена здесь с любовником, а я здесь сам по себе?

– Святослав Георгиевич, мне не хотелось бы вмешиваться в ваш спор, но вы только что оскорбили мою женщину, – тихо и злобно проговорил Руслан, и ноздри его тонкого носа хищно раздулись. – Позвольте заметить, что мы с вами фактически на территории другого государства, так давайте соблюдать правила этикета. Не выставлять свою страну в идиотском свете, хорошо? А все претензии можем разобрать после, уже выйдя отсюда.

Светик перевел на него растерянный взгляд и как-то сразу сник, очевидно, присмотрелся и понял, кто перед ним – лицо Руслана не раз мелькало в новостных передачах за спинами первых лиц государства. Поняв, что сейчас лучше отложить все прения, Светик развернулся и отошел, но весь остаток вечера пронзал меня убийственными и презрительными взглядами. Руслан же, наоборот, был само внимание, забота и нежность, и это отвлекло меня от мыслей о вспышке ревности со стороны Светика.

– С тобой опасно, Варвара, – заметил Руслан, когда мы, попрощавшись с хозяевами, шли к выходу. – Вот так не услежу – и уведут же.

– Ой, брось! Кому я нужна?

Оказалось, что нужна – и немедленно. Едва мы подошли к машине, как возле меня возник высокий мужчина в светлом костюме и процедил:

– Пройдемте со мной, Варвара Валерьевна. – И взял меня за локоть.

Руслан моментально вышел из себя:

– Вы кто такой?! Что вы себе позволяете?!

– Спокойно, Руслан Каримович. – Позади Руслана вырос точно такой же жлоб и сунул ему в лицо какую-то красную книжечку, рассмотреть которую Руслан не успел. – Садитесь в машину. Вашу спутницу мы проводим до дома сами.

Алиев попытался возразить, но получил с виду не сильный, но, видимо, очень болезненный удар под ложечку. Я рванулась в его сторону, но державший меня за локоть мужик сильнее сжал пальцы, и я взвизгнула от острой боли во всей руке от локтя и выше.

– Идите со мной, и ничего не случится. Господину Алиеву окажут помощь.

Меня затолкали в машину, марку которой я рассмотреть не успела, по бокам уселись два амбала, зажав меня так, что даже дышать стало больно, и машина тронулась с места. Я пыталась повернуть голову, чтобы посмотреть, что происходит на стоянке с Русланом, однако сделать это мне не удалось – на затемненном стекле была еще и плотная шторка. Черт побери, кто эти люди? Куда они меня везут? От страха я перестала соображать – тому, кто пишет сценарии для боевиков, где героиня в такой момент непринужденно строит планы по своему освобождению, рекомендую хоть раз оказаться в подобной ситуации. Очень бодрит и освежает, да...

С первого сиденья вдруг раздался подозрительно знакомый голос:

– Варвара Валерьевна, да успокойтесь вы, все нормально, все свои. – И я узнала своего бывшего телохранителя Славу, снявшего меня с крыши в тот ужасный день, когда арестовали Мельникова.

Дышать стало легче – значит, меня везут к Тузу. Но зачем такая сложная комбинация? Мог просто позвонить, и я бы приехала сама. Но нет – нужен спектакль, театр одного актера! Что там с Русланом, интересно?

Слава словно услышал:

– Вы за спутника не переживайте, ничего с ним не случилось. Он вообще будет думать, что вас в соответствующие органы вызвали.

– Что за бред? Сейчас не тридцать седьмой год! – разозлилась я. – А Руслану ничего не стоит проверить.

– Он не будет этого делать, – категорически заявил Слава.

– Это он тебе сам пообещал?

– Короче, не берите в голову, Варвара Валерьевна. Вы в его глазах будете чисты и невинны, как ангел, – вам не это разве нужно?

– Мне нужно, чтобы меня не сгребали в охапку возле австрийского посольства и не везли куда-то на ночь глядя! – отрезала я. – И закончи, будь добр, эти дебаты.

– Понял.

Слава отвернулся к окну, и в машине воцарилась тишина, а я получила возможность подумать. Тема предстоящего разговора мне была ясна – Руслан и тендер. Ясно было и то, что Туз мной недоволен – я пропала с радаров, не звоню, не информирую, более того – вообще еще даже не задумывалась, как начать разговор на эту тему с Алиевым. Я действительно не знала, как подступиться к Руслану с этим вопросом. Кроме того, мне ужасно не хотелось расставаться с ним, а после подобного разговора наше расставание – вопрос двух часов, это же ясно. Кому понравится попытка надавить на себя? Никому. Легче избавиться от подобного гнета, чем оставаться под ним и терпеть. Я бы так и сделала. А Руслан чем хуже? Но самое главное заключалось в другом. Я, похоже, просто влюбилась, чего за мной не водилось долгие годы, и теперь мне страшно потерять это чувство, возникшее так не вовремя и не к тому человеку... Вернее, с человеком-то все в порядке, и подходит он мне идеально, а вот я...

В городской квартире Туза я не была ни разу – в основном мы встречались в ресторанах, театрах или в его загородной резиденции, адреса которой, кстати, я не знала – всякий раз меня привозили туда с повязкой на глазах. Интересно, с чего вдруг такое доверие и приглашение в гости в городскую квартиру?

Машина остановилась возле довольно старого дома в районе проспекта Мира, амбалы споро высадились, и один из них подал мне руку, помогая выйти. Я не успела даже оглядеться, как меня буквально затолкнули в подъезд и повели по широкой крутой лестнице вверх. Я приготовилась считать этажи, но это оказалось ни к чему – мы поднялись всего на два пролета и оказались перед массивной дверью, и Слава, шедший впереди, нажал кнопку звонка.

Открыла невысокая женщина лет пятидесяти в простом сером платье и клетчатом переднике и сразу скрылась где-то в дальних помещениях квартиры. Мы вошли, и Слава громко сказал:

– Анатолий Иванович, мы приехали.

– Пусть Варвара в кабинет проходит, а ты внизу ее дождись, – последовал ответ, и Слава, рукой показав мне направление, мгновенно скрылся за входной дверью.

Я прошла по длинному коридору, стараясь не очень крутить головой по сторонам – «меньше знаешь, никому не должен», – и оказалась перед приоткрытой дубовой дверью, за которой виднелся массивный письменный стол и кожаный коричневый диван. Для приличия дважды стукнув костяшками пальцев в дверь, я толкнула ее и вошла. Туз в коричневой пижамной куртке сидел за столом в кресле с высокой резной спинкой и, водрузив очки на кончик носа, что-то читал.

– Присаживайся, Варенька, – абсолютно мирным тоном пригласил он и отложил книгу, оказавшуюся томиком Чехова – ну, а как же. – Как прием?

– Что? А, прием... Прием прошел отлично, – устраиваясь на диване так, чтобы не измять подол шелкового платья, проговорила я.

– А что не отлично?

Я молчала. Если бы Туз, к примеру, начал с порога орать, это, наверное, настроило бы меня на определенную манеру поведения, но он был слишком умен и проницателен, чтобы не понимать – со мной нельзя так. Меня можно взять только лаской и конкретными предложениями, а не расплывчатыми угрозами и криком.

– Ну, что молчишь? Вроде как с Алиевым у тебя тоже все в порядке.

– Шпионите? – почти без эмоций даже не спросила, а скорее констатировала я, и Туз кивнул:

– Присматриваем. Влюбилась?

– Это не имеет значения. Я прекрасно знаю, что мой долг вы с меня стряσετε при любых обстоятельствах. Знала, с кем имею дело, так что никакие мои чувства тут ни при чем.

Туз внимательно изучал мое лицо и, видимо, силился понять, играю я или говорю серьезно. Но игры не было. Я на самом деле отлично понимала, что мне придется выполнить то, чего хочет Веревкин, потому что слишком многим была ему обязана. А репутация для меня – не просто слово. Мои чувства к Руслану здесь действительно ни при чем, и только мне потом разбираться с этим. И вопрос Туза был неприятен как раз поэтому – я понимала, что он возьмет свое и уйдет в тень, а я останусь один на один с обманутым Алиевым, и еще неизвестно, чем все закончится. Руслан может одним движением пальцев оборвать мою блестящую карьеру, угробить все, к чему я шла долгие годы без отдыха. Хотя – разве это сделает Руслан? Нет – это сделаю я сама, вот сейчас, сидя здесь, в этом полутемном кабинете. Ну почему Туз не запросил ничего другого?!

– Ты не волнуйся, Варюша, – вдруг заговорил Веревкин совершенно иным тоном – почти отеческим, и я даже вздрогнула от такой разительной перемены его настроения, – дело-то чистое, и Руслан твой не останется внакладе, и спасибо еще тебе скажет за то, что помогла. Я ведь ничего особенно незаконного тебе не предлагаю сделать.

– Да, совершенно законно все – фальсифицировать результаты тендера!

– Это с какой стороны посмотреть.

– А с любой. Вашей фирмы нет в заявке, вы не подали никаких документов – а выиграете? Да еще право на застройку в самом центре Москвы! Разумеется – что тут незаконного-то? – криво усмехнулась я.

Он легонько хлопнул ладонью по столу:

– А я не спрашиваю твоего совета как юриста. У меня и своих хватает. От тебя же требуется самое простое – убедить Алиева в том, что именно моя фирма должна выиграть тендер. И все будут довольны – он, я, ты. Сама подумай – где тут криминал-то особенный?

– Ну, конечно...

Со стороны все действительно выглядело вполне невинно, но по сути... Руслан должен будет задним числом внести во все бумаги название фирмы Туза, чтобы минимизировать возможные последствия при проверках, если они будут.

– А почему вы не подали документы легально? – осенило меня. – Что стоило просто подать заявку на участие в тендер – и проблем стало бы на порядок меньше.

– Ишь ты, умная какая... Надо было бы, так и сделали бы так. А раз не сделали – был резон.

Я уже знала, в чем резон. Фирма организовалась буквально на днях – когда официальная подача заявок уже закончилась, а Туз вдруг разнюхал о лакомом кусочке. Все банально.

– Ну а сейчас-то вы меня с какой целью сюда дернули?

– А чтобы твой дружок задержался немного. Пусть думает, что «под колпаком» – так надежнее.

– Бред какой-то, – пробормотала я.

– Ну, бред не бред, а всегда работает, – усмехнулся Туз, – крепенько сидит в нашем народе память о тридцатых годах-то.

– Вы же понимаете, что Руслану ничего не стоит выяснить...

– Не стоит, – перебил он, – но твой Алиев же не идиот. И делать этого не станет.

– А если станет?

– Что ты уперлась? Сказано – расслабься, ничего не будет. Давай вот лучше по коньячку. – Туз развернулся в сторону высокого шкафа в углу возле окна и вынул оттуда бутылку и две рюмки.

Я встала и подошла к столу, взяла свою, покрутила в руках и залпом выпила. Ехать к Руслану после всего я не собиралась, потому пила без опасений. Лучше сейчас напьюсь и рухну дома, чтобы не думать всю ночь о всякой ерунде.

Туз, внимательно наблюдавший за мной, вдруг выбрался из кресла, подошел и обнял за плечи:

– Ну-ну, что ты как маленькая-то? Не раскисай, Варюша, все хорошо будет.

– У кого? – мрачно поинтересовалась я.

– И у тебя, и у меня, и у Руслана твоего. И у вас двоих вместе – тоже.

Я посмотрела ему в глаза, что позволяла себе в очень редких случаях, но это, видимо, коньяк уже достиг цели и придал мне смелости:

– Анатолий Иванович, вы простили бы женщину, которая вас предала?

– Ты не путай теплое-то с круглым. В чем предательство? Что денег сможешь заработать? Я ж не за просто так – умею быть благодарным, ты-то знаешь. Ну, и Руслана твоего отблагодарю, не обижу.

– Как вы не можете понять... Дело ведь не в деньгах – Алиев и так не побирается на паперти по выходным! Дело во мне! Я, может, впервые... – и осеклась, поняв, что совершенно бесполезно рассуждать о моих переживаниях с человеком, для которого дело – прежде всего. Я сама такая...

Туз же уловил заминку, чуть отстранил меня и насмешливо поинтересовался:

– Влюбилась все-таки?

– Пусть так. Какое это теперь-то имеет значение? Вы же все равно не отступитесь, не измените решения, я-то знаю. Так при чем тут мои чувства? Можно подумать, вам есть до них дело...

Захотелось плакать. Внезапно я вдруг поняла, что Руслан в моей жизни значит гораздо больше, чем я думала раньше, и терять его мне будет очень больно. Он успел занять довольно большую территорию в моем ареале обитания, если можно так выразиться, и с его уходом там будет пустыня, которая никогда уже не превратится в цветущий луг. И я сама все там выжгла согласием помочь Тузу. И не надо списывать это на какие-то там мифические долги, которые нужно отдавать. Ведь я даже не попробовала жестко сказать «нет» – а вдруг получилось бы? Значит, я сама виновата.

– Глупая ты, Варька. Никуда он от тебя не денется, уж мне-то поверь. Хотел бы – так и слился бы уже давно. А он возле тебя. Знаешь, почему? Ему не нужны эти соски малолетние, которых только его карта платиновая интересует. Ему умные бабы нравятся, независимые – чтобы он себя постоянно неуверенным чувствовал, чтобы просыпался и рукой по постели шарил – не ушла ли ты, не сбежала ли. Он – охотник, ему важно завоевывать. А какой интерес завоевывать ту, что и так даст? И никуда потом не денется, хоть ее поленом бей? Не-е-ет! Алиеву ты нужна, именно ты – потому что ты от него никак не зависишь и не будешь. Даже когда он на тебе женится, ты не сделаешься домохозяйкой или не станешь претендовать на какие-то его блага – тебе своих с лихвой. Понимаешь, о чем я? – по-отечески, от чего меня просто затошнило, заговорил Туз, увлекая меня за собой на диван. – Я тебе вот

что скажу – когда все закончится, он даже не вспомнит, что ты в этом как-то участвовала, дорогая моя. И еще на свадьбе вашей я погуляю с удовольствием.

Мне захотелось, чтобы его вот прямо сейчас, немедленно, на моих глазах хватил удар. Да, это жестоко – но в этот момент я именно так и чувствовала, так и хотела. И смотрела бы, как он корчится на полу, впиваясь пальцами в длинный ворс ковра.

Но, разумеется, все это существовало только в моих фантазиях, в реальности же Туз наполнил заново рюмки коньяка и предложил:

– А давай за это и выпьем – за твое будущее. Потому что, чуя я, станешь ты скоро женой очень влиятельного человека, который к тому же любит тебя, что нынче редкость.

Пить за это мне не хотелось по одной причине – я давно не девочка и лишена всяческих иллюзий на тему брака и семьи, а также отлично знаю, что Руслан никогда больше не вспомнит моего имени, как только поймет, какую комбинацию я провернула с ним. Поэтому, чуть коснувшись своей рюмкой рюмки Туза, я молча выпила, а про себя подумала, что пью за будущее, в котором не будет Туза. Он, конечно, заметил недовольство на моем лице, однако ничего не сказал по этому поводу, перевел разговор на театр. Вот уж до чего мне сейчас совершенно не было никакого дела... Мне хотелось одного – оказаться дома и лечь в ванну. Однако встать и уйти я не могла, потому пришлось выслушивать разглагольствования Туза о современных и старых актерах, их различиях и общем падении культурного уровня в стране. Если бы не знать, кто именно изрекает эти суждения, то вполне могло сложиться ощущение беседы с высокообразованным театроведом. Но я-то слишком хорошо знала, кто такой Анатолий Иванович Веревкин... Слишком хорошо.

– Мне домой пора, – решила я наконец и поставила опустевшую рюмку на широкий подлокотник дивана.

– Да, поздно уже. Тебя Славка отвезет и до квартиры проводит. Но смотри – Алиеву своему о том, где была, ни слова, – предупредил Туз. – Имей в виду, мы должны одной версии держаться. Вызывали в то место, о котором вслух не распространяются, поняла? Он человек неглупый, других вопросов задавать не станет.

Я молча кивнула – а что еще я могла сделать в этой ситуации? Приехать и рассказать Руслану, где была и с какой целью? Я же не совсем идиотка.

Слава ждал в машине, уже сам за рулем – видимо, водителя и амбалов отпустили, их миссия была закончена.

– Домой, Варвара Валерьевна? – открыв мне дверку, спросил он.

Я плюхнулась на заднее сиденье и пробормотала:

– Нет, в кабак с тобой поедем, я еще не под завязку набралась.

– Можем и в кабак, – покладисто согласился он, – только разрешения спросить надо.

– Да? А что – мама у тебя строгая, не разрешает по ночам с девочками гулять?

Слава пропустил мою издевку мимо ушей, потому что прекрасно понимал – я знаю, о чем речь, и недовольна его словами. Мне ничье разрешение не требовалось.

– Ну что? – вынув телефон, спросил Слава. – Звоню? Поедем кутить?

– Ты шуток совсем не понимаешь? – устало отозвалась я, открывая окошко и вынимая из сумочки сигареты и зажигалку. – Домой мы поедем, ночь на дворе, а мне завтра в суд.

Телохранитель молча убрал мобильный и повернул ключ в замке зажигания.

Глава 7

Родственные узы

Чем больше женщины похожи друг на друга в зеркале, тем сильнее они отличаются в семейной жизни.

Японская пословица

Впервые в карьере мне никак не удавалось сосредоточиться на деле, которым я занималась. Глядя в бумаги, я ничего не видела и вообще слабо понимала, что читаю. Как идти с этим в суд, вообще не представляла, а выглядеть идиоткой в глазах клиента не хотелось. К тому же проигрыш этого арбитража совершенно не входил в мои планы, и дело было даже не в репутации. Я никогда не позволяла личному возобладать над профессиональным, и сегодняшняя невозможность взять себя в руки раздражала почти до слез. Решив, что в таком состоянии я не адвокат, а лучший помощник прокурора, я вызвала к себе в кабинет Диму Кукушкина и попросила поехать в суд вместо меня. Он был в курсе дела, сам помогал готовить материалы, потому никаких заминок возникнуть не должно было. Димочка согласился, попутно заметив, что у меня больной вид:

– Вы бы домой ехали, Варвара Валерьевна, такое ощущение, что у вас что-то простудное – глаза-то красные, как у...

– Все, хватит! – прервала я. – Собирайся, тебе пора выезжать, а я уж как-нибудь сама справлюсь со своим нездоровьем.

Димочка пожал плечами и вышел, плотно закрыв за собой дверь, однако через пару минут вошла секретарша Катя с подносом, на котором стоял стакан воды и лежала упаковка профилактических таблеток от простуды:

– Вот, Варвара Валерьевна, выпейте.

– Не нужно, Катя, спасибо, – отказалась я, выключая компьютер. – Я, пожалуй, домой поеду. Подготовьте мне все материалы по делу Гальченко, я с собой возьму.

Катя вышла. Эта девушка заменила мою предыдущую секретаршу Нину, которая по просьбе моего дяди установила в ящик стола прослушивающее устройство. Я долго думала, прежде чем уволить ее – смена секретаря дело тонкое, новый человек должен войти в курс всех дел, уметь держать язык за зубами и обладать определенным набором качеств. Кроме того, я долго привыкаю к людям, мне требуется время, чтобы допустить нового человека к своим делам и к какой-то части собственной жизни. Но видеть каждый день в офисе Нину мне становилось все сложнее, и я решила. Катю привел Кукушкин – она была какой-то его родственницей из провинции, имела высшее юридическое образование, но совершенно не имела опыта работы. Для секретаря это не критично, а девушка произвела на меня хорошее впечатление и оказалась толковой и шустрой. И главное – теперь я не встречалась каждое утро с Ниной, так запросто предавшей меня и мое доверие.

Документы в пластиковой папке Катя внесла в тот момент, когда я уже застегивала пиджак и сбрасывала в сумку телефон, сигареты, зажигалку и пудреницу:

– Все готово, Варвара Валерьевна.

– Спасибо. Дождитесь, когда вернется Дмитрий, и можете быть свободны.

– Да, хорошо. Завтра вы во сколько будете?

– Как обычно, если не разболеюсь.

– Тогда, если разрешите, я сегодня вызову мастера, пусть кондиционер посмотрит в приемной, он что-то барахлит.

– Да, вызывайте. До завтра, Катя.

– Отдыхайте, Варвара Валерьевна.

На крыльце я зажмурилась – как назло, погода стояла жаркая, солнце слепило так, что даже очки не очень помогали, и можно было прогуляться до дома пешком, однако я не чувствовала в себе сил для подобных действий.

Водитель Володя сразу же выключил кондиционер и, пока я усаживалась на заднее сиденье, спросил:

– А в суд мы не едем? Дмитрия видел только что.

– Нет, не едем, я что-то чувствую себя плоховато.

– Домой?

Но домой мне хотелось еще меньше – там я моментально начну грызть себя и доведу дело до мигрени. Нужно срочно что-то придумать...

– Поедем в Загорянку, Володя, пока на дорогах еще относительно свободно, – вдруг сказала я, и водитель, ничуть не удивившись, кивнул:

– Хорошая мысль. Вы ночевать там останетесь?

– Нет. Просто навещу бабушку, она там уже две недели.

Володя снова кивнул, и мы поехали.

Не то чтобы я отчаянно соскучилась по бабушке, но почему-то именно сегодняшний день показался мне подходящим для подобного визита. В конце концов, просто полежу до вечера в своей комнате на втором этаже, послушаю, как орут птицы, вдохну запах распускающихся цветов да посижу в кресле-качалке под дубом. Огромное дерево росло на нашем участке много лет, оно было там еще до того, как дед купил эту дачу, и под ним вечерами мы все любили сидеть и пить чай. Сейчас никого не осталось – только бабушка и я.

Дорога заняла совсем немного времени, что меня удивило – обычно даже в Королеве пробки, но сегодня мне несказанно везло. Бабушка, услышав звук паркующейся у ворот машины, вышла на крыльцо и удивленно вздернула брови, увидев, как я захожу в калитку:

– Варвара? Неожиданно.

– Ты не рада? Могу уехать.

Бабушка покачала головой:

– Нельзя не ершиться со входа? Я не сказала, что не рада тебя видеть, я удивилась, что ты приехала посреди недели в рабочее время, вот и все. Ты с водителем?

– Да. Если машина мешает на улице, я попрошу его загнать ее во двор.

Бабушка нацепила на нос очки, болтавшиеся на цепочке, и оценила масштаб. Последние годы я предпочитала «Мерседес», и его габариты плоховато вписывались в окружающий пейзаж – дорога между участками была не особенно большой.

– Ну, Скворцовых и Лабазниковых сегодня не будет, а Ильин вообще в Европе, так что вряд ли кому-то помешает твоя машина, – изрекла бабушка, прикинув что-то в уме. – По нашей улице мало кто ездит в будни.

– Ну, тогда все в порядке. Володя, вы проходите, – крикнула я водителю, возившемуся в салоне.

– Да, сейчас, – отозвался он, вынимая из-под сиденья пакет, – переоденусь только.

– В доме вам будет удобнее, – категорично заявила бабушка, сходя с крыльца, – можете пройти в комнату на первом этаже, справа по коридору, и там переодеться и вообще отдохнуть – белье на кровати свежее.

Кто бы сомневался! Белье у нее свежее на гостевой кровати! В свои восемьдесят с гаком моя бабушка крахмалила и наглаживала постельное белье до хруста и не признавала никакого цвета, кроме белого. Да, у нее была помощница по хозяйству – мне удалось после многолетних дебатов убедить ее в необходимости подобного шага, – но основную массу домашних дел

бабушка по-прежнему делала сама. Странное дело – внешне я очень напоминала бабушку, а вот в остальном трудно было бы найти двух более различающихся людей, чем мы...

– Кстати, ты тоже могла бы сменить костюм, – заметила она, провожая взглядом скрывшегося в доме Володю, – в твоей комнате висит какая-то одежда. Не станешь же ты бродить тут по лесу в деловой одежде.

– Не стану. – Я чмокнула ее в щеку, хотя подобное действие в последнее время давалось мне довольно тяжело, и пошла в свою небольшую комнатку под самой крышей. Эти «апартаменты» я занимала с тех самых пор, как помню себя. Бабушка ничего здесь не меняла, разве что кровать со временем сменилась на более широкую и длинную – я вышла замуж и приехала сюда уже со Светиком. Сейчас я опять одна.

Найдя в шкафу старые джинсы и просторную майку с каким-то совершенно идиотским рисунком, невесть как оказавшуюся в моем гардеробе, я прилегла на кровать и почувствовала какую-то внезапную свободу – от проблем, от забот, от суеты. От самой себя. Это оказалось неожиданно приятно и словно омолодило меня лет на десять-пятнадцать, вернуло в пору, когда я была беззаботной студенткой юридического факультета и привозила сюда компанию своих приятелей-однокурсников. Чудесное было время... Мы затаривались дешевым вином в пакетах, нехитрой закуской и сигаретами, приезжали сюда после обеда в субботу и гудели до ночи воскресенья. Все было как-то невинно, весело, шумно, но при этом мы не раздражали соседей, не мешали никому... Или люди были добрее? Хотя как это могло быть в те годы, когда зарплата выплачивалась нерегулярно, а полки коммерческих магазинов дразнили взгляд обертками импортного шоколада и бутылками неизвестного алкоголя, какими-то совершенно неизвестными для большинства продуктами и шмотками? Конечно, в нашей компании практически не было «пролетариев», мы все были детками из семей бывшей советской элиты – но вокруг-то жили и обычные люди. Надо же, как время все меняет... Мои однокурсники любили эти поездки – на нашей даче все чувствовали себя свободно и раскованно, бабушка в такие дни сюда не приезжала, а если и оказывалась случайно, то вообще никак не вмешивалась в происходящее. Даже влюбленные парочки чувствовали себя здесь свободно и имели возможность уединиться в одной из комнат двухэтажного дома, чем и пользовались довольно бессовестно. И я с Кириллом не составляла исключения. Именно в этой комнатке под крышей мы проводили с ним ночи в объятиях друг друга. Черт, ну до каких же пор я буду вспоминать Мельникова?! Почему в любой мелочи, даже самой незначительной, я непременно нахожу что-то такое, что напомнит мне о нем? Даже собственная комната...

– Варвара, ты легла отдыхать? – раздался снизу голос бабушки, и я села.

– Нет, переодеваюсь. Я тебе нужна?

– Мы с Владимиром хотим попить чаю, присоединишься?

– Да, сейчас.

Впервые за все время существования дачи я покинула собственную комнату с удовольствием...

После чаепития под дубом Володя вызвался починить чуть покосившийся забор за домом, и бабушка согласилась, сетуя на отсутствие в нашей семье мужчин:

– Был Святослав, да и тот не работник. Что взять с творческого человека? Вот муж мой был, как говорили раньше, рукастый, все сам умел – и столярничать, и плотничать, и кирпич укладывать. Сейчас мужчины этого уже не умеют.

– Ну почему же? – улыбнулся Володя, пробуя пальцем лезвие топора. – Я вот все умею, и ремонт в квартире всегда сам делаю – и себе, и родителям.

– Вы, Владимир, приятное исключение. Я вам очень благодарна за предложенную помощь.

– Да мне же несложно. На свежем воздухе руки размять – одно удовольствие, какой же это труд? Так – развлечение. – Володя выбрал в кладовке под домом нужные инструменты и направился к забору.

– Тогда я сейчас сварю борщ. Это я делаю исключительно вкусно, можете поверить, – заявила бабушка.

– Тебе помочь? – Я поставила чашки и вазочки из-под варенья на поднос и пошла в дом.

– Нет, – отказалась бабушка, – ты в готовке ничего не смыслишь. К сожалению, как я ни старалась в тебя это вложить.

Даже в такой мелочи она не могла удержаться, чтобы не уколоть меня, ну что за характер! Да, я не варю борщи и не крахмалю пододеяльники, зато умею довести до победы даже самое запутанное и сложное дело в суде, вот так вот.

Перебив чашки и блюдца, я тщательно вытерла все льняным полотенцем, которое выглядело так, словно было куплено вчера, а не добрый десяток лет назад, расставила все в серванте на полках и забралась на стул у большого обеденного стола, придвинутого вплотную к окну, поджав под себя ноги. Створки были раскрыты, и легкий ветер шевелил тонкие занавески, донося с улицы аромат жасмина. Бабушка, повязав передник с кружевами, принялась за чистку овощей. В большой кастрюле уже варился бульон из мозговой косточки – как будто специально припасенной для этой цели, хотя я не предупреждала, что приеду. Со двора доносился звук пилы – Володя ремонтировал забор, менял там сгнившие штакетины.

– Хороший мужчина, – заметила бабушка, ловко шинкуя морковь.

– Хороший. И водитель отличный – я с ним очень спокойно себя в машине чувствую.

– Как живешь, Варвара? Святослава давно видела?

– Недавно. К чему вопрос?

Бабушка отодвинула тарелку с морковью и положила на разделочную доску большую свеклу. Она не признавала никаких терок или шинковок, не говоря уже о кухонных комбайнах – все резала только ножом и так аккуратно, что мне казалось, будто в ее глазу установлен какой-то прибор, позволяющий ей делать это.

– Ни к чему, просто вопрос. Совсем не интересуешься делами бывшего мужа? Ведь не один год вместе прожили.

– Ну и что? Почему мне должна быть интересна его жизнь теперь? На то пошло, так я и раньше не особенно ею интересовалась.

– Тогда почему удивилась, когда о Макаре узнала? – не переставая орудовать ножом, уколола меня бабушка. – Не интересовалась ты – нашлась та, кто заинтересовался.

– Ой, ба! Я тебя умоляю! Можно подумать, ты не знаешь, почему так вышло! – скривилась я. – Да Светику не Ирка нужна была.

– Не была бы нужна Ирка – и Макара бы не было, – не сдавалась бабушка.

– Ты от меня чего хочешь сейчас?

– А ты голос не повышай, я пока еще в своем доме и от тебя не завишу! – строго напомнила бабушка, стряхивая свеклу в глубокую тарелку.

– Тогда зачем ты завела этот разговор о Светике? Не понимаешь, что мне неприятно?

– Неприятно? – принимаясь шинковать капусту, усмехнулась бабушка. – А ему сильно было приятно терпеть твои выкрутасы столько лет? Думаешь, он не понимал, что ты ему постоянно изменяешь? Твоя беда, Варвара, в том, что ты считаешь людей заведомо глупее себя, и Святослав не стал исключением. А он все понимал, видел и мучился. Ему каждую секунду было больно, понимаешь? Он тебя любил – так редко кого любят. Ему твои измены были как острый нож.

Я машинально выдернула у нее из-под руки остаток кочерыжки и захрустела ею. Бабушка была не права – я отлично понимала, что Светик не глуп и не слеп, но знала и другое – его все устраивало. Больше всего на свете мой гениальный супруг любил себя и свой собственный

комфорт, особенно душевный. И исключительно потому ни разу не устроил мне даже мало-мальски полноценного скандала – боялся нарушить свой покой. Где-то глубоко внутри себя я была уверена в том, что, закатаи он хоть раз полноценный разбор полетов, и я больше никогда не стала бы изменять ему. Мне ведь, по сути, и не хватало в браке именно этого – твердой мужской руки. Да, Светик был хорош как друг и даже неплох как любовник, но вот этого мужского в нем не было ни капли. Кажется, последнюю фразу я сказала вслух, потому что бабушка, не переставая шинковать капусту, откликнулась:

– Это просто в тебе слишком много мужского, Варвара. И не каждый мужчина может выдержать твою манеру соревноваться и устанавливать свои правила.

Не могу сказать, что я была с ней не согласна. Имелась в моем характере эта черта – люблю устроить своеобразное соревнование и посмотреть, могу ли прогнать мужчину под себя. Любого мужчину – будь то деловой партнер или любовник. Большинство мужчин поединка не выдерживают. Все их существо противится – как?! Мне?! Противостоят?! Мне?! Кто?! Баба?! И вот в этом уничижительном «баба» заключена вся их слабая суть – суть мужчины, пасующего перед сильной, уверенной в себе женщиной. Перед женщиной с характером. Но они не хотят сразу признавать поражение, нет – они рвутся в бой, чтобы доказать свое превосходство. А со мной это либо краткосрочное сражение длиной в один выстрел, либо война на всю оставшуюся жизнь. Я давно запретила себе капитулировать или отступить – и придерживаюсь этого принципа очень строго.

Мне довольно часто приходится противостоять мужчинам – в нашей сфере адвокатов-мужчин куда больше, чем женщин, а такого уровня, как я, нас вообще два-три человека. Обо мне ходят самые разные слухи, но к чему обращать внимание на шепот за спиной? Когда карабкаешься вверх, тебе не до этого, а потом, когда ты уже достигла вершины, вся эта мирская чушь вообще не имеет значения. В любви то же самое – к чему мне самец, за которым мне не хочется идти и который предпочитает, чтобы я главенствовала в отношениях? Светик, к примеру, на первом же году совместной жизни прекратил все попытки стать главой семьи – так чему еще удивляться? Я не хочу быть еще и в семье за мужчину, потому и находила себе тех, кто позволял мне уйти в тень.

– Ну, что ты притихла? – спросила бабушка, снимая крышку с кастрюли, в которой у нее варился мясной бульон.

– Ты хочешь признания вины? У меня твой характер – тебе тоже всегда необходимо быть первой.

– Но у меня хватало ума не демонстрировать этого в семье, – отбрила бабуля, вынимая из бульона луковую шелуху, которую добавляла для придания золотистого цвета.

– А у меня, значит, с умом туговато? Как же у вас, таких умных, проницательных и изворотливых, могла родиться такая недотепа? – усмехнулась я.

– Тебя никто не называл недотепой, не передергивай. Кроме того, я всегда считала, что для женщины ты сделала головокружительную карьеру – мало кто смог бы так высоко забраться в совершенно мужской области. Но вот в личной жизни ты у меня неудачная какая-то получилась. Это моя вина.

– Ой, да какая вина? – поморщилась я, доедая кочерыжку. – Наверное, я просто не создана для семейной жизни, вот и все.

– Для семейной жизни не создана твоя Аннушка, – обжаривая на сковородке лук и морковь, заметила бабушка. – Я иногда думаю, что у нее не мозг, а какой-то недоразвитый меж-ушный ганглий, уж не обижайся.

Я захохотала, хотя в душе мне стало немного обидно за подругу – Аннушка не была дурой, она просто умела не заикливаться ни на чем и жила легко, как бабочка.

– Что смешного? Она хорошая девочка, но и только. Для мужчин она слишком проста-вата, никакой загадки, никакого второго дна, а это важно. Мужчины не любят, когда им все понятно в женщине.

– Интересно, что было непонятно папе в моей маменьке, а?

Бабушка отложила деревянную лопатку, которой перемешивала лук и морковь, села на табуретку и, поправив волосы, сказала:

– Ему в ней было непонятно абсолютно все. Как, впрочем, и нам с твоим дедом. Я до сих пор не понимаю, как мы с ним умудрились воспитать такую эгоистичную, черствую и себялюбивую дочь. Она даже матерью нормальной стать не смогла. Когда она тебе звонила в последний раз?

Я напрягла память, но так и не смогла вспомнить – очевидно, очень давно.

– Я не особенно страдаю по этому поводу. Мне уже давно не нужна мамочка рядом.

– А даже если и была она тебе нужна когда-то – так ее не было. Вечно то гастроли, то спектакли, то еще что-то. Всегда занята, а если вдруг осталась дома, то тут же находились новые предложения – маникюрша, косметичка, новое платье...

– Договаривай – новый мужчина, – спокойно продолжила я, когда бабушка чуть замялась и умолкла. – Думаешь, я не понимала, куда она исчезает вечерами? Даже когда папа был еще жив. Один этот ее Нугзар мерзкий чего стоил... Это он, кстати, втравил меня в историю с поселком Снежинка, он попросил помочь его знакомой.

– Ты могла отказаться.

– Могла. Но почему-то не отказалась.

– Я объясню, – сказала бабушка, снова помешивая содержимое сковородки, – ты не отказала потому, что считала, будто отказываешь в просьбе матери, а не ее любовнику.

– Ой, не усложняй. Да и вообще... Пойду я покурю, ладно?

Разговор стал мне неприятен, и я любой ценой хотела прекратить его. Любые воспоминания о матери почему-то оборачивались глухой тоской – наверное, все-таки в детстве мне не хватило ее заботы и внимания, хоть я и упорно отказывалась признавать это.

Глава 8

Ночной гость

Если женщина хоть чуть-чуть отличается от других, мужчина тут же попадает в ее сети.

Ясунари Кавабата

Домой из Загорянки я вернулась глубоко за полночь – Володя хотел сократить до минимума время простоя в пробках, а потому мы выжидали, когда на городских улицах станет чисто и пусто. Простившись с водителем и дав указания на завтра, я вошла в подъезд. Окошко консьержа было закрыто – комната пустовала. Лифт спускался невероятно долго, откуда-то с самого верхнего этажа. Мне нестерпимо хотелось домой, в ванную и в постель, общение с бабушкой оставило ощущение тяжести в голове и теле – как будто я выдержала многочасовой экзамен по самому трудному предмету. Почему я всегда в ее присутствии чувствую себя вынужденной что-то доказывать, объяснять и оправдываться? Она ведет себя со мной ровно так же, как со своими студентами в консерватории... Как будто я не внучка ей, а завзятая прогульщица-троечница, с которой она вынуждена возиться в свободное от занятий время.

Ключ не вставлялся в скважину, и это оказалось весьма неприятным открытием – в квартире кто-то есть, потому что подобное происходило только в момент, когда в замок изнутри вставлен другой ключ. Это еще что за новости? Я осторожно вынула свой ключ и на цыпочках двинулась в холл к лифту, чтобы быстро спуститься вниз и уже на улице подумать о дальнейших действиях. Кому звонить – Тузу или в полицию? Не разберешься сразу-то... Моя рука уже тянулась к кнопке вызова лифта, когда дверь квартиры открылась и раздался голос Руслана:

– А домой не зайдешь даже переодеться? Снова куда-то направилась?

О-о-о... Я выдохнула с облегчением, но тут же меня посетила мысль – а откуда у него ключи? Пока я собиралась с силами, чтобы задать этот вопрос, Руслан завел меня в квартиру, запер дверь и с усмешкой поинтересовался:

– Вычисляешь, где я взял ключ? Не трудись – сама и выдала, когда я как-то рано утром от тебя уйти должен был. Как ты адвокатом-то работаешь с такой памятью, Варвара?

Тут я вспомнила, что действительно отдала ему запасной ключ в тот день, когда у меня не было утренних заседаний и не хотелось вставать в пять утра, чтобы проводить Руслана. Да, с такой памятью меня поджидает много сюрпризов...

– Перегрелась я на даче, похоже, – пробормотала я, снимая туфли.

– На какой даче?

– К бабушке ездила. На такой жаре в городе вообще с ума можно сойти, не то что про ключи забыть.

– А я тебе в офис три раза звонил, так твоя референт сказала, что ты на заседании, – попробовал уличить меня во лжи Руслан, но я только плечами пожала:

– Перепутала она что-то. Бабушку я ездила проведать. И вообще – к чему такой допрос? Если позволишь, я переоденусь. – Сказав это, я скрылась в спальне, а Руслан, прислонившись к дверному косяку, продолжил:

– Хотел провести с тобой вечер, а тебя и не найдешь сразу. Ну, думаю, тогда поеду дома дожидаться, ужин вот приготовил – а тебя все нет. Хотел уже домой ехать, а тут и ты.

Я накинула легкую шелковую тунику, в которой ходила дома в жару, и вышла из гардеробной.

– Ужин, говоришь? Забавно. Не думала, что ты со своим образом жизни еще и готовить что-то ухитряешься.

– Ты забываешь, что я мужчина восточный, – ухмыльнулся он, привлекая меня к себе, – а мы обожаем застолья.

– Что вовсе не подразумевает умения готовить, кстати, – улыбнулась я, обнимая его за шею.

В те моменты, когда Руслан бывал рядом, я чувствовала, что мне хорошо с ним, а его отсутствие делает мою жизнь пустой и какой-то безрадостной. И сегодня я на самом деле была рада его видеть, соскучилась и даже забыла на мгновение, что нам осталось не так уж много...

– Ты меня недооцениваешь, – крепко удерживая меня в объятиях, заметил Руслан, – а я, между прочим, очень старался, даже в супермаркет сам ходил.

– С ума сойти! Человек, приближенный к верхушке власти, ходит в супермаркет, чтобы накормить ужином загулявшую где-то любовницу! – Я закатила глаза и сделала вид, что вот-вот лишусь чувств. – Господин Алиев, а что подумает электорат? Или вы уже передумали участвовать в каких-нибудь ближайших выборах?

– Варя, не надо шутить такими вещами, – попросил он, усаживая меня за стол в кухне, – это не имеет никакого значения для наших с тобой отношений.

– А что имеет? – поинтересовалась я, оглядывая уставленный разной едой стол.

– Ничего, кроме нашего обоюдного желания быть вместе. Я, между прочим, здорово проголодался, пока готовил и ждал тебя.

Руслан не покривил душой, заявляя о своем умении готовить. Такой вкусной рыбы и креветок на гриле я не пробовала даже в ресторанах, а салат и какая-то необычная закуска из лаваша вообще оказались волшебными. Мы пили белое вино, которое Руслан наливал из двухлитровой бутылки в оплетке, и я чувствовала, как понемногу пьянею и ощущаю легкость во всем теле, несмотря даже на поздний – если не сказать ночной – ужин.

– Ну как? – поинтересовался Руслан, когда мы закончили. – Я прошел экзамен на повара?

– И получил наивысший балл, – признала я свое поражение, впрочем, сделав это с удовольствием.

– То-то же, – удовлетворенно кивнул он, – больше никогда не спорь со мной и доверяй тому, что я говорю.

– Мне кажется, я и так не особенно спорю с тобой, хотя порой это довольно трудно.

– Может, покурим на балконе? У тебя с него прекрасный вид, я даже позавидовал – вся Москва под ногами, – предложил он, помогая мне подняться.

– Подозреваю, что тебя именно это и привлекает – вся Москва-то под ногами? – не удержалась я от колкости. – Эти ваши державные амбиции...

– Злая ты, Варвара, – со вздохом констатировал Руслан, подхватывая меня на руки и направляясь на балкон, – за что я тебя люблю такую, не подскажешь?

– Не люби, – стараясь казаться спокойной, ответила я, хотя внутри от этих слов почему-то все съезжилось, – я же не требую.

– Ты не требуешь, – согласно кивнул он, усаживаясь вместе со мной в кресло и дотягиваясь до пачки сигарет на столике, – ты – нет, а я вот требую. Я требую от тебя быть рядом со мной постоянно. Мне надоели эти встречи то там, то тут, надоело уходить по утрам – понимаешь?

– Это что – такое завуалированное предложение? Слишком витиевато, Руслан.

– Хорошо, скажу проще. – Он прикурил две сигареты, одну отдал мне и, затянувшись, произнес: – Выходи за меня замуж, Варвара.

Не скажу, что это прозвучало неожиданно, но тем не менее фраза застала меня врасплох, я просто не подумала, что Руслан может произнести ее совершенно серьезно. Туз оказался прав и здесь – Алиев действительно хотел жениться на мне. И при иных обстоятельствах я немедленно ответила бы согласием, потому что понимала: более идеального человека мне не найти. На современном рынке невест я уже не могла считаться «ликвидом» – возраст, как ни крути, но это как раз меня не особенно волновало или расстраивало. Я уже была замужем и прекрасно

знаю, что это такое. А сейчас еще и Туз со своим требованием... Это здорово испортило мне жизнь, надо признать. И как раз поэтому я не могу сказать Руслану заветного «да». Я потом себе не прощу.

– Ты задумалась, – заметил он, делая еще одну глубокую затяжку.

«Господи, да для него это просто оскорбительно. Он предлагает мне стать его женой – а я сижу и молчу, как колода. Человеку его темперамента и его положения видеть такое – как нож в сердце. Как мне все исправить? Как выпутаться? Я не могу послушаться Туза – и не могу потерять Руслана. Что мне делать, боже мой, что мне теперь делать?»

Не найдя ничего более удачного, я бросила сигарету в пепельницу, развернулась так, чтобы оказаться лицом к лицу с Алиевым, и, положив руки ему на плечи, заглянула в глаза:

– Я не знаю, что сказать... Ты даже не представляешь, насколько мне важно то, что ты сказал. Я... я, наверное, люблю тебя. Руслан...

– Наверное? – усмехнулся он, внимательно изучая мое лицо. – Но зато хотя бы честно.

– Подожди, не перебивай меня, – попросила я, – мне и так сложно. Я очень хочу быть с тобой, Руслан, действительно хочу – как ни с кем, наверное. Но сейчас не очень подходящий момент... Только умоляю – не спрашивай пока, хорошо?

– Не понимаю я тебя, Варвара.

«Та-а-ак, а вот если сейчас он скажет, что от таких предложений не отказываются, – все сразу же будет кончено. Я просто не переживу такой банальности от него».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.